

ДЖЕЙМС БЛЭЙЛОК

БУМАЖНЫЙ ГРААЛЬ

ВСЕ КОЛОКОЛА
ЗЕМЛИ

Блэйлок — один из самых ярких представителей нового поколения писателей-сказочников. И, возможно, данный роман — самая захватывающая книга мастера необычного и абсурдного.

THE WASHINGTON POST BOOK WORLD

FANZON

Fanzon. Fantasy World. Лучшее современное фэнтези

Джеймс Блэйлок

**Бумажный грааль.
Все колокола земли**

«ЭКСМО»

1991, 1995

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Блэйлок Д.

Бумажный грааль. Все колокола земли / Д. Блэйлок — «Эксмо», 1991, 1995 — (Fanzon. Fantasy World. Лучшее современное фэнтези)

ISBN 978-5-04-211574-5

Номинант на Всемирную премию фэнтези и Мифопоэтическую премию. Мистическая обратная сторона Калифорнии! Говард Бартон приехал в Мендосино в поисках бумажного оригами. И не просто старого клочка бумаги, а наброска легендарного японского художника Хокусая. Но Говард, к сожалению, не единственный, кому нужен этот эскиз. Есть еще Элоиза Лейми, чей пышный и опасный сад поливается кровью и другими странными жидкостями. И загадочный мистер Джиммерс, владелец мастерской, где хранится диковинное изобретение, предназначенное для некромантии. Даже дядя Говарда Рой, строитель домов с привидениями и основатель Музея современных тайн, проявляет интерес к этому эскизу. В Северной Калифорнии все не то, чем кажется, но все взаимосвязано – и Говард оказывается втянутым в секретную войну между тайными подпольными обществами. Теперь ему остается только выяснить, на чьей он стороне в поисках бумажного Грааля. А недалеко, в округе Ориндж, троица приятелей сталкиваются с причудливыми проявлениями зла. Под покровом ночи мужчина взбирается на башню церкви Святого Антония, движимый навязчивым желанием заставить колокола замолчать. В пустынном переулке случайная, на первый взгляд, жертва оказывается испепелена потоком пламени. А при обманчивом свете дня Уолт Стеббинс получает по почте странный китайский артефакт – стеклянную банку с законсервированным тельцем синей птицы. Подобные вещи обычно не происходят в их тихом городке. Обычные люди не ожидают столкнуться с настоящим злом у себя во дворе. Но по мере того, как Уолт разгадывает тайну Птицы, он узнает, что битва между силами света и тьмы идет каждый день буквально у него на глазах. «Автор обладает даром изображать эксцентричных персонажей

восхитительными и оригинальными способами, какую бы сторону в борьбе добра со злом они ни занимали». – Publishers Weekly. «Блэйлок вступает в сферу магического реализма, поскольку эксцентричные барышни и неудачливые предприниматели приобретают мифические пропорции в этом остроумном и интеллектуальном метафизическом романе. Он одинаково хорошо впишется в литературные и фэнтезийные коллекции». – Library Journal. «Блэйлок – один из самых ярких представителей нового поколения писателей-сказочников. И, возможно, данный роман – это лучшая захватывающая книга от мастера необычного и абсурдного». – The Washington Post Book World. «В лучших традициях “Сумеречной зоны”, с причудливыми персонажами, юмором и потрясающе изображенными моментами настоящей любви». – Рик Клеффел. «С акробатической грацией Блэйлок, лауреат двух премий World Fantasy, снова создает произведение, находящееся на грани фэнтези и ужаса. На этот раз он рассказывает историю о сделке с дьяволом в пригороде Калифорнии». – Publishers Weekly. «Сочетая тонкий юмор с мрачным ужасом, автор изображает мир, в котором человеческие добродетели становятся мистическим оружием, а невероятные герои нащупывают путь к спасению». – Library Journal.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-211574-5

© Блэйлок Д., 1991, 1995

© Эксмо, 1991, 1995

Содержание

Бумажный Грааль	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Джеймс Блэйлок

Бумажный Грааль. Все колокола земли

James Blaylock

THE PAPER GRAIL

Copyright © 1991 by James P. Blaylock

ALL THE BELLS ON EARTH

Copyright © 1995 by James P. Blaylock

© М. Стрепетова, перевод на русский язык, 2024

© Л. Галушкина, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Бумажный Грааль

*Посвящается Вики,
а также Тому и Венге Стрефф
за дружбу, еду, философию и за будущее
и в память о Рое Сквайерсе*

*...и гармония нарушена, нарушена во всем мире: какие-то ее
частишки, конечно, еще остались, и прошлое иногда возвращается,
однако месяц за месяцем темнота поглощает дневной свет...*

Джон Рёскин

*...постичь душу предмета с помощью силлогизма так же
невозможно, как поймать Левиафана на крючок.*

Г. К. Честертон

*Тело его – идеальный шар,
И носит он прелестную шляпу.*

Эдвард Лип

Глава 1

В его сне на фоне голубого неба прорисовывалось не слово и не фраза; прорисовывались пять белых облаков. Не было никакого самолета с дымовым следом, лишь медленно проявляющиеся облака на четком расстоянии друг от друга, словно созвездие, мерцающее все ярче в вечерних сумерках. На этот раз к ним прибавился далекий шум океана, гулкий и ритмичный. Говард поначалу принял его за звук перемены времен года, напоминающий поворот мельничного колеса. Во сне он знал, что сейчас осень. Облака на небе всегда выстраивались одинаково и означали одно и то же, а сезоны продолжали по очереди сменять друг друга.

Говард зашел на каменную мельницу и остановился перед камином. В спину ударил холодный порыв ветра с океана. От огня не было никакого жара, поэтому он пошевелил угли палкой, которая вдруг оказалась у него в руке. Говард даже не сильно удивился, когда из палки вылезли зеленые ростки и моментально обвили его ладонь.

Огонь, затрещав, выбросил несколько красных угольков на пол. Говард понимал, что это сон и что через пару секунд он опустится на колени, обожжет ногу горячими углями и почувствует боль, несмотря на то, что все это ему снится и огонь уже затухает. А затем он коснется прозрачной жидкости, сочащейся из места ожога, и вкус у нее будет наподобие древесного сока, с запахом сосны. Среди пяти облаков появится послание, из которого Говард узнает свою судьбу; но, когда он выходит наружу, перед ним уже не мельница, а каменный дом у обрыва, где внизу океан бьется о скалы, а наверху небо наливается мраком от предстоящего дождя.

В этот раз он проснулся под звук волн, разбивающихся о берег у мыса Пойнт-Рейес. Рассвет только занимался. Ночевал Говард в своем доме на колесах, припаркованном на пляже Стинсон, всего в нескольких милях от лагеря для автотуристов близ горы Тамалпаис, откуда он выехал вчерашним утром. Сон уже понемногу забывался. Как обычно, Говард не мог вспомнить, почему это сновидение, от которого теперь оставались лишь призрачные намеки на тревогу и ужас, казалось ему невероятно важным. И еще его переполняла странная уверенность

в том, что те самые облака вовсе не были настоящими облаками, – это чья-то невидимая рука нарисовала их в небе поверх сновидения Говарда.

Из Пойнт-Рейес он выехал на север, позавтракал в Инвернесе, а остаток полузамороженных анчоусов использовал для рыбалки в большой приливной заводи к северу от города. Над головой кружили чайки, а Говард размышлял о своей работе в маленьком пыльном музее на юге Калифорнии. Помощник куратора, на север он приехал специально, за одним-единственным предметом искусства – японской ксилографией девятнадцатого века, предположительно руки Хокусая.

Рисунок, насколько он помнил, порядком выцвел, а на месте сгибов остались заметные следы – какой-то идиот, видимо, пытался сделать из него оригами. Почти пятнадцать лет назад Говард провел дождливые выходные в доме у обрыва, построенном стариком по имени Майкл Грэм, владельцем ксилографии. Грэм прятал рисунок в замысловатой коробке за камнями очага, хотя в той же комнате на видном месте висели куда более ценные работы.

Кузина Говарда Сильвия тоже была там. Это она догадалась, что из картины на рисовой бумаге много раз пытались сложить разные фигуры. Интересно, спрашивала она, получится ли проследить по сгибам, словно по карте, какую именно форму принимала бумага? После снов о мельничном колесе и очаге Говарду частенько, особенно в последнее время, приходила в голову мысль, что сравнение с картой подходит как нельзя лучше.

Под зеркалом заднего вида висело оригами в форме лилии, выгоревшей до цвета слоновой кости. Пыльный цветок давно обтрепался, однако протирать или пересобирать его Говард не спешил – вдруг развалится. Молодой романтик, он подарил лилию Сильвии в ту ночь, когда они решили не заниматься любовью; а наутро получил от нее оригами-цветок, сложенный из бумаги, сырьем для которой послужили лен и листья.

Тогда им было всего по двадцать лет. Говард с Сильвией, двоюродные брат и сестра, практически выросли вместе, а это означало, что романтические отношения между ними затруднительны или вовсе под запретом. На третьем курсе университета Сильвия сказала, что переезжает к родителям на север, в Форт-Брэгг, и Говард, вопреки собственным желаниям, отпустил ее без лишних препирательств.

Месяц назад он нашел бумажную лилию в коробке с кучей старых памятных вещиц из универа и повесил цветок в кабине автодома. Оригами стало своего рода катализатором, все больше напоминающим о Сильвии и разжигающим в нем стремление наконец-то ее навестить. Как только доберется до Форт-Брэгга, сегодня или завтра, надо будет снять цветок, иначе Сильвия заметит и неверно истолкует его намерения. Или вдруг поймет их как надо. Как знать, что они оба почувствуют спустя все эти годы?

Обо всем этом он размышлял, сидя с удочкой у водоема под Инвернессом. То ли рыба здесь не водилась, то ли рыбак из него был никудышный. На груди валунов уселся пеликан и стал наблюдать за Говардом. Говард поздоровался, а птица, щелкая клювом, склонила голову набок и уставилась на остатки анчоусов. Одну за другой он скормил рыбешек пеликану и наконец предъявил ему пустую упаковку. Птица все равно не спешила улетать и по-прежнему глядела на него, пока Говард не смотал леску и не пошел по каменистой тропе обратно к трассе, где на обочине стоял его фургон. Пеликан взлетел, направился на север вдоль берега, вскоре исчез за поросшими травой обрывами и снова появился над океаном, скользя прямо над волнами, а Говард гнал свой автодом, то ускоряясь, то резко притормаживая, чтобы не упускать птицу из вида. Одновременно с этим он пытался вспомнить, считаются ли морские птицы хорошей или плохой приметой.

В Форт-Брэгге его ждали только к завтрашнему дню, однако Говард был способен и сегодня осилить еще несколько часов пути, заехать по дороге к Грэму, чтобы сразу решить все рабочие дела, а затем поспешить к дяде Рою, где его ждало продолжение отпуска. В голове

рассеянно крутились мысли о Сильвии. Она по-прежнему живет с родителями? Встречается ли с тем парнем, за которого чуть не вышла замуж? У него еще было какое-то звериное прозвище: то ли Скунс, то ли Куница... Хорек! О предстоящей свадьбе Говард узнал от матери и пытался убедить себя в том, что счастлив за Сильвию и ничуть на нее не в обиде. Какие обиды после стольких-то лет?! Правда, когда стало известно, что свадьба не состоялась, Говард обрадовался.

Шоссе номер один представляло собой узкую скалистую дорогу между городами Пойнт-Арена и Элк, на которой трудно разъехаться двум автомобилям. На поворотах Говард сбрасывал скорость и с надеждой высматривал пеликана, хотя птица уже часа два как пропала из вида. Ягодные кустарники, облепившие шаткие заборчики на склоне горы, выбрасывали свои спутанные лозы прямо на асфальт. Наверху вся растительность была сплошь сухой и коричневой, не считая зеленых пятен кипарисов, сосен и эвкалиптов. На сотни футов вниз уходили практически отвесные каменистые склоны, скрытые поднимавшимся от берега туманом.

Со стороны океана вдоль дороги мелькали почтовые ящики, отмечавшие въезд к отдельно стоящим домикам на утесах. Говард с беспокойством высматривал дом Грэма, сопоставляя ориентиры на трассе со значками на карте, нарисованной карандашом от руки. Это место он неплохо помнил с тех пор, как приезжал сюда пожить много лет назад, а еще отчетливее проступали воспоминания из снов, в которых дом Грэма и старая каменная мельница, по сути, представляли собой единое целое – таковы уж причудливые законы архитектуры в сновидениях.

Слишком поздно заметив нужный столбик с почтовым ящиком и заросшую сорняками дорожку, Говард проехал мимо. Трасса тут же стала извилистой и пошла на подъем, не развернешься. Как ни странно, Говард совсем не расстроился. Наоборот, ощутил какое-то облегчение, ведь этот дом вселял в него неясное предчувствие беды, точно запах грозы, витающий в духоте спокойного вечера.

Однако скорость он все-таки сбросил и, свернув с шоссе на Альбион-Ридж-роуд, остановился у небольшого продуктового магазина, перед которым торчали две старые ржавые бензоколонки. Далеко внизу у подножия горы, уходя в сторону от океана, текла извилистая река Альбион – порядком пересохшая и превратившаяся в вялый поток грязноватой воды. На берегу расположился почти опустевший лагерь для автотуристов; грунтовая дорога тянулась к нему из-под моста и дальше к безлюдному пляжу, усеянному водорослями и корягами. В это время года здесь можно набрать много ракушек – первые большие волны с севера прочесывают дно океана и выкидывают их вместе с давно затонувшими обломками прямо на каменистый пляж.

А что, если переночевать в лагере? Заезжать к Грэму все равно уже поздно. Старик может и не открыть дверь незнакомцу на трейлере, появившемуся из тумана и темноты. Надо бы позвонить ему и договориться заранее – допустим, на завтрашний полдень. Говард был покрыт грязью и солью, от одежды пахло рыбной наживкой... Завтра утром он найдет в Мендосино прачечную самообслуживания, а затем поедет обратно – до Грэма оттуда десять миль. Вроде бы хороший и разумный план, только Говард и сам прекрасно понимал, что избегает встречи, а все северное побережье, будто сговорившись с магнитными полюсами, одновременно притягивает его и отталкивает.

Витрину магазинчика – точнее, деревенской лавки – украшали старые занавески из нитей и бусин, покрытые пылью и паутиной с мертвыми мухами. Ассортимент вредной еды на стойке у кассы не порадовал, одни только пирожные с заменителем шоколада и липкие на вид злаковые батончики с фруктовым соком вместо сахара. Ну и кое-какая натуральная продукция, наверняка от местной фермы «Санберри». Выглядит и правда как что-то органическое, особенно шоколадное пирожное – на вид будто ком земли.

Бисквитов «Твинки» не было, поэтому Говард взял жвачку и одно пирожное, положил все на прилавок. Бензин его старенький «шеви-шайен» пил охотно, как шампанское, и стоило

это удовольствие почти полтора доллара за галлон. Продавец стоял возле трейлера Говарда и болтал о чем-то с мужчиной; тот, поставив ящик для рыболовных снастей на землю, широко развел руки в стороны. Судя по всему, обсуждали рыбалку. Здесь никто никуда не спешил, и Говарда это вполне устраивало. Впервые за долгие месяцы, а то и годы он был доволен обстановкой, с блаженством впитывал уединение и звуки моря.

Просмотрев стопку открыток и оконных наклеек, он выбрал несколько штук с рекламной достопримечательностей северного побережья: дымящий «Поезд-Скунс», океанариум с обломками кораблей, Дом Винчестеров, гавань Нойо. И неважно, что практически ни в одном из этих мест он не побывал, просто хотелось обклеить ими окна в автодоме. Говард собрал уже два десятка таких наклеек, в том числе с изображениями Аризоны, Невады и Нью-Мексико. Места скоро уже не останется, и тогда придется наслаивать наклейки друг на друга, сначала задевая только края и углы, а потом целиком покрывая старые картинки новыми. Говард увлекся наклейками пару месяцев назад, и с тех пор их покупка превратилась в навязчивую идею; он стал верить в то, что что-то обязательно произойдет, как только удастся достичь некоего тайного наклеечного предела.

Обычно Говард не брал наклейки без туристической рекламы. Его не интересовали слоганы или политические заявления, в его коллекции не было систематичности. Такая банальность даже не стоит усилий, иначе пришлось бы отдирать все это лезвием. Раньше Говард никогда не покупал много наклеек сразу. К чему спешить? Но здесь в воздухе витало нечто такое, что заставило его пойти наперекор собственным правилам, и в руках набралась уже целая пачка наклеек. На последней красовался смешной пеликан – Говард выбрал эту картинку в напоминание о птице, с которой он поделился анчоусами. Если в этом и был какой-то смысл, никто другой и не догадался бы.

Он не спеша шел по центральному ряду магазинчика, направляясь к стеллажам с рыболовными снастями и палками для горных лыж у дальней стены. Под товарами для рыбаков к пробковой доске канцелярской кнопкой была прикреплена выцветшая и потрепанная наклейка на бампер с рекламой какой-то местной достопримечательности. Такую наклейку легко прилепить на чужую машину, даже заметить не успеют. На ней была надпись маленькими буквами: «Посигналь, если увидел», а ниже более крупными: «Музей современных тайн». Рядом шел схематичный рисунок: призраки несутся сквозь лес, смутный силуэт машины, окутанный туманом. Говард снял наклейку с доски, тут же позабыв о кипе других картинок в руке.

От двери донесся шорох; Говард обернулся и увидел, как продавец скользнул за прилавок. Бросив нерешительный взгляд на пирожное, мужчина ткнул в него пальцем.

– Ваше? – спросил он, будто не веря собственным словам.

Говард кивнул и сразу об этом пожалел. Пирожное стоило почти доллар, а за доллар можно купить две наклейки.

– Это продается? – Говард поднял наклейку на бампер, которую открепил с доски.

– Да ей уже года два, – отозвался продавец, садясь на табурет. – Толку никакого, музей давно разорился.

Говард сначала и не понял, ответил ли мужчина на его вопрос, потом осознал, что все-таки нет.

– Не хотите ее продавать? – Лишь бы его голос не звучал слишком отчаянно. Продавец по-своему прав: назначить цену старой выцветшей бумажке – дельце не из легких.

– И у меня когда-то была своя наклейка с рекламой, – сказал мужчина, выделив интонацией слово «когда-то», и кивнул в сторону полки с наклейками.

– Теперь уже нет?

– Неа. Провалилась затея.

Говард широко раскрыл глаза от удивления – мол, как вообще мог разориться музей ду́хов?

– Сейчас уже мало кто верит в призраков, – уклончиво произнес он, готовый поддержать продавца в его убеждениях и обвинить всех тех, кто верит во что-то другое и приносит одни неприятности.

– Люди вообще мало что знают о привидениях.

Продавец включил переносной телевизор, стоявший за прилавком. На экране появилось шоу, в котором шестеро членов одной семьи со смешными шляпами на голове танцевали в бешеном ритме перед стиральной и сушильной машинами с огромными ценниками.

Доносящиеся из телевизора звуки сбили весь настрой, и Говарду вдруг захотелось поскорее уйти. Он положил на прилавок пачку наклеек вместе с кредитной картой.

– Я бы и эту купил, – решил попытать он счастья, показывая на картинку для бампера.

– Бесплезная штука. – Продавец уставился на кредитку с таким видом, будто Говард подложил вместо нее нечто странное – бутерброд с ветчиной или фотографию Эйфелевой башни. Мужчина несколько раз прочитал указанное на карте имя, поглядывая на Говарда, затем проверил номер по специальной записной книжке – не значится ли в списке украденных. – Бартон... Вы случайно не родственник... – Он еще раз пристально посмотрел на лицо Говарда и широко улыбнулся. – Ну конечно!

– Да, он мой дядя, – ответил Говард. – По папиной линии.

Не стоило врать. Теперь за наклейку придется заплатить втридорога. Ведь это дядя Рой был владельцем того самого разорившегося Музея современных тайн. Сам Говард в музее не бывал, но дядина идея ему нравилась. И вот теперь, столько лет спустя, он наткнулся на богом забытую наклейку с рекламой музея. А продавец понял, что Говарду обязательно нужно ее купить. Он сидел на табурете и думал о том, сколько денег можно вытянуть за этот прямоугольник выгоревшей на солнце бумаги.

– Рой Бартон, – покачал головой мужчина. – Старый негодник. Да забирай эту хреновину просто так! К нему как раз едешь?

– Верно, – удивленно ответил Говард. – Вообще, я тут по делам.

– По делам Роя Бартона или по своим?

– По своим. С Роем мы уже много лет не виделись. Даже не в курсе, чем он сейчас занимается.

Продавец как-то странно на него посмотрел, словно дядя Рой занимался делами, о которых и говорить не стоило.

– Рой Бартон ведет дела со всем миром. Оно и неудивительно, если ваши пути не пересекались. Сам он себя называет «духовным дельцом». И вполне справедливо. Он поможет тебе воспрять духом.

– Надеюсь, – отозвался Говард. – Мне бы не помешало.

– Передай ему привет, хорошо? Скажи, что от Кэла. Он частенько сюда заглядывал, пока работал над музеем. Свободного времени у него было много. Отсюда всего полмили. Здание, кстати, по-прежнему стоит, пустует. Бывал там?

– Все откладывал... А потом он обанкротился.

– Черт, жалко-то как! Рой Бартон тот еще тип. Он видел что-то такое в лесу... – Продавец усмехнулся и покачал головой, наверняка вспоминая какие-нибудь выходки Роя. – Проклятье, а ведь я ему поверил. Черт возьми, да как было не поверить? – Мужчина развернулся и достал из холодильника со стеклянной дверцей упаковку из шести банок пива «Курс». – Отвези-ка ему вот это. И скажи, что Кэл Далтон передает привет и спрашивает, когда Рой к нему заглянет. – Продавец протянул кредитку и пиво, Говард расписался на чеке за бензин и наклейки. Кэл пожал ему руку. – Дом будет справа, через три-четыре поворота. Гляди в оба, не то пропустишь.

Поблагодарив его, Говард вышел из магазина. На площадку для автотуристов опустился туман, отчего она казалась холодной и негостеприимной. Настроение немного поднялось благодаря владельцу заправки, который, несмотря ни на что, продолжает свое дело. Теперь Говард

уже не чувствовал себя полным изгоем. Захотелось посмотреть на заброшенный музей духов. До заката оставалась еще пара часов.

Про музей он немало слышал от матери, изо всех сил старавшейся представить эту абсурдную затею как нечто разумное. Мать была решительно верна дяде Рою, ведь тот по-своему присматривал за ними после смерти отца Говарда. В последнее время Говард прислушивался к обрывкам семейных сплетен насчет прогоревшего музея, из-за которого дядя Рой оказался по уши в долгах. Самое обидное в том, что бедняга Рой действительно во все это верил, он верил в призраков. Несмотря на хитроумную рекламу в виде наклеек на бампер или окно, он не сомневался в том, что видел набитую духами в старомодных одеждах машину, мчавшуюся по трассе со стороны северного побережья. И ехали призраки на «студебекере».

Почему именно на «студебекере»? Из-за этой детали все и пошло прахом, из-за нее и обанкротился музей, как будто этот самый «студебекер» пробил на полном ходу его стену. Упоминание такого автомобиля не внушало доверия. Все равно что заявить, будто привидения ехали на моноциклах, а на голове у них были жуткие парики. Скажи он, что видел самый банальный «форд» или «шеви», люди, может, еще и поверили бы.

Однако для дяди Роя музей призраков стал своего рода научным исследованием паранормального. И ему было все равно, на какой машине они передвигались. Это же привидения, они не следуют всеобщей моде! Люди смеялись над «студебекером», потому что он напоминал Тянитолкаю – одинакового с обеих сторон. Но если духам этот автомобиль пришелся по вкусу, то дядю Роя он тоже устраивал – и плевать на мнение общественности. Поэтому, когда музей закрылся, было в десятки раз обиднее, ведь дядя Рой искренне во все это верил.

Говард понял, что он не так уж голоден, и открыл бардачок, намереваясь выкинуть пирожное. Рядом лежало стеклянное пресс-папье, украшенное изнутри цветами и лентами, похожими на рождественские сладости. Он собирался подарить его Сильвии – она всегда любила красивые вещицы. Правда, стоила эта штука пара сотен долларов – не сочла бы она это показухой. Надо действовать тактичнее.

В полумиле к северу от Альбиона на шоссе будет разворот. Говард сбросил скорость и съехал на обочину, которая, расширяясь, вела к засыпанной гравием парковке – с дороги ее не было видно за деревьями. В дальнем углу стоянки под навесом из пихт и эвкалиптов вытянулось длинное, похожее на барак здание с заколоченными окнами, спереди огражденное забором из деревянных досок. На трех-четырех досках были насажены бычьи черепа. Над крыльцом висела облупившаяся табличка с надписью «Музей современных тайн».

Он заглушил двигатель и какое-то время просто сидел в машине на краю парковки. Сквозь закрытые окна доносился лишь приглушенный шум разбивающихся волн. Так вот как выглядит это место! Говард знал, что музей, одинокий и пустой, стоит себе где-то неподалеку у трассы. Как ни странно, он ожидал большего, хотя и сам не мог понять, чего именно. Поначалу ему хотелось перелезть через забор и заглянуть внутрь, но все окна были забиты, и чем дольше он смотрел на здание, тем печальнее оно становилось. Может, в другой раз. Он планировал провести тут пару недель – можно будет попросить дядю Роя свозить его сюда, если, конечно, тот не против и ключ от входной двери еще цел.

Говарду вспомнился рисунок Хокусая, что висел в доме Грэма, мимо которого он проехал. Пора бы на него взглянуть. К черту прачечную и звонки с предупреждениями. Он и так уже долго ждал. Почти два года назад Говард написал письмо, предлагая Грэму передать рисунок в музей Санта-Аны в качестве бессрочного залога, а потом списать сумму из налоговой задолженности. На основе этого рисунка Говард создал бы новый отдел искусства Востока.

Два года назад идея звучала свежо и увлекательно. Однако год спустя, так и не получив ответа, он практически позабыл о рисунке. И вот вдруг приходит письмо – с согласием на бессрочный залог. Только отправлять рисунок почтой Грэм не собирался, так что Говарду пришлось бы самому за ним ехать. После этого целый год Говард ничего не предпринимал.

А месяц назад что-то изменилось – он случайно обнаружил оригами в виде лилии, а еще эти сны... И ощутил себя человеком, воспрявшим духом после долгого затишья.

Он решил поехать на север, причем неспешным извилистым маршрутом, по проселочным дорогам, малоизвестным пляжам и примитивным стоянкам для трейлеров. Дело предстояло серьезное – разобраться в собственной жизни. Навестить дядю Роя и тетю Эдит в Форт-Брэгге, сблизиться с Сильвией. На поездку уйдет месяц, прямо как в старые добрые времена. Его начальница, миссис Глисон, поначалу не хотела выделять такой продолжительный отпуск, но, увидев письмо от Грэма, дала добро. Дату на конверте Говард ловко прикрыл большим пальцем.

Окутанный туманом, автодом стоял под веткой дерева, с которой капало на крышу кабины. Морской ветер стучался в двери, и Говард завел машину, чтобы включить обогрев. А что толку сидеть здесь, пока двигатель работает на холостых? Говард выкатился к краю асфальтового покрытия, всматриваясь в белую завесу. Из-за поворота выплывал свет фар, хотя самого автомобиля не было видно – и даже непонятно, далеко ли он. Говард решил подождать, пока тот проедет.

Микроавтобус «фольксваген» он узнал по характерному дребезжащему реву двигателя еще до того, как тот показался из пелены тумана. Даже по меркам «фольксвагена» ехал он медленно и смахивал на глубоководную рыбу, забравшуюся в ущелье в поисках добычи. Секунду назад это была призрачная машина, скрытая белым покровом, и вот она наконец обрела очертания. Говард сразу вспомнил про «студебекер» с привидениями в шляпах-цилиндрах и машинально включил заднюю передачу, будто желая скрыться от них в лесу.

Микроавтобус подъезжал все ближе, и сначала Говарду показалось, что тот весь покрыт прилипшими ветками и листьями, словно продирался через самую чашу. На самом деле это были вовсе не листья, а дары океана – засохшие водоросли и кораллы, морские звезды и морские уточки, комки мидий, рыбы скелеты и ракушки. Они облепили автомобиль так, что тот стал похож на заводь с колесами. Только наличие шин и чистого лобового стекла намекали на его истинную сущность. Даже грохочущий двигатель вполне мог оказаться собранным на скорую руку механизмом из трубчатых червей и морских звезд, перекачивающих соленую воду. «Фольксваген» ворчал, взбираясь в гору, панель приборов освещала салон таинственным зеленым сиянием. Лицо водителя оставалось в тени.

Говард передумал сдавать назад. Он наблюдал за происходящим, открыв рот от изумления. Микроавтобус исчез в тумане за изгибом холма, и Говард успел заметить, что спереди слой морской живности, судя по всему, отвалился – наверное, потому, что капот был горячим. Общее впечатление создавалось убогое, будто историю о привидениях испортили отсутствием пары абзацев.

И все же было что-то такое в этом «фольксвагене», в его странном появлении, что напомнило Говарду о дядином музее и о каменном доме Майкла Грэма со множеством коридоров и башенок. Сама атмосфера северного побережья казалась навязчивой – заросли деревьев, бесконечный туман, неожиданная тяга к наклейкам, которые, по сути, были абсолютной безвкусицей. Словно вылезший из морских глубин микроавтобус выглядел логично и естественно, как нечто само собой разумеющееся. Говард нервно усмехнулся, напоминая себе о том, что на побережье частенько встречаются всякие причуды. Пора бы им тут открыть свой клуб для избранных. Еще неделя в одиночестве и тумане – и Говард будет готов в него вступить.

Неудивительно, что дядя Рой был настолько одержим идеей о призраках. Да этот густой воздух ими пропитан!.. Говард был в пути уже неделю, и впервые за это время ему захотелось хоть с кем-нибудь пообщаться, пусть даже со стариной Грэмом. Он выехал на трассу и вновь двинулся на юг. До заката оставался примерно час – как раз можно успеть добраться до каменного дома.

Глава 2

Лимузин полз по Грант-стрит сквозь пробки Сан-Франциско, двигаясь через Чайна-таун по направлению к району Норт-Бич. Июль, на улицах полно туристов, проезжая часть забита машинами, и люди переходят дорогу, осторожно протискиваясь меж бамперов. Элоиза Лейми не могла понять, как ее водитель-идиот умудрился пропустить съезд с автомагистрали, в результате чего они застряли в городском потоке. Он просто тупица, впустую тратящий время бедной старой женщины, оказавшейся здесь в полном одиночестве.

Вслух она ничего не сказала. Да и толку! Допустим, начнет рвать и метать – быстрее они все равно не доберутся. А наемному водителю вообще плевать. Даже если она купит всю эту компанию по аренде лимузинов и уволит его, что с того? Призывы к справедливости вызовут лишь поток брани. Несмотря на форму с иголочки, выглядел водитель мрачно и угрюмо. Что-то с ним не так, по глазам видно. Элоиза всегда хорошо разбиралась в людях и за шестьдесят восемь лет жизни на земле научилась делать это с легкостью, которая была предметом ее гордости. Именно благодаря этому она так преуспела в бизнесе.

Раньше люди были другими. Представители рабочих профессий сейчас не держатся за свои места. Чувство долга осталось в прошлом. Все вокруг только и делают, что оскорбляют друг друга. От любого, с кем ни столкнешься, стоит ждать беды. Десятки лет назад все было иначе; и народ, и сама жизнь казались проще и непосредственнее. И когда все успело перемениться?

До войны Элоиза чуть не вышла замуж за моряка. Как же красиво он смотрелся в форме в день отплытия! А в ночь перед этим они танцевали под Бенни Гудмана. Теперь его останки покоятся где-то на дне океана. В итоге жизнь преподносит нам только смерть и разочарование. В этом мир ничуть не изменился. В отличие от людей. В наши дни они хватаются за любую возможность, продираются по жизни за чужой счет. Главное – опередить других. Никаких компромиссов. Элоиза старалась лишний раз не выходить на улицу, но даже дома приходилось бороться с деревенщинами, которые не замечали ни прогресса вокруг, ни знаков судьбы.

Устроившись посередине заднего сиденья, поджав губы и сощулив глаза, она смотрела вперед через лобовое стекло, стараясь не обращать внимание на жуткие толпы людей, что заполнили тротуары. В ее лице, худом и вытянутом, с выдающимся подбородком и глазами монаршей особы, которая насквозь видит своих подданных и их жалкие замыслы, не было ни капли слабости. Такое лицо трудно забыть. Элоиза глянула на свое отражение в стекле и поправила выбившийся локон.

Ее отвлекли пронзительные выкрики старого китайца, продавца газет, вероятно, скупившегося с кем-то из-за сдачи в пять центов. Распахнулась задняя дверца стоявшего близ обочины фургона, оттуда вылез мужчина с освежеванной козлиной тушей на одном заляпанном кровью плече и связкой ошипанных уток на другом. Жизнь была ключом, людишки метались, подобно насекомым. Уже в шестой раз Элоиза пожалела, что вообще наняла лимузин, и посмотрела на часы.

– Я очень сильно опаздываю, – сказала она водителю. Тот промолчал.

Затор неожиданно рассосался, как будто услышал ее мысли. Машина медленно двинулась вперед, проехала почти полквартала и опять остановилась. Прямо перед ними мигали огни эвакуатора, водитель которого заглядывал в окна «мерседес-бенца», припаркованного в неположенном месте. Вот и причина пробки. Он вытащил из кармана пачку тонких пластиковых реек и одной из них пробовал подцепить край водительской двери. Полицейский тем временем направлял поток автомобилей в объезд, а перед лимузином держал поднятую вверх руку, не пропуская его.

Миссис Лейми скептически наблюдала за происходящим. Никакой безопасности на дорогах, вот уже и полиция ворует чужие машины.

– Посигнальте, – велела она водителю.

– Тут же коп! – Он изумленно обернулся.

– *Посигнальте*, молодой человек. Я долго терпела, но это уже никуда не годится. Нажмите на клаксон.

Водитель бросил на нее взгляд искоса.

– Да вы прикалываетесь?

– Уверяю вас, я вполне серьезно. Я наняла эту машину, и я требую, чтобы вы посигналили.

– Дамочка, может, сядете за руль и посигналите сами? А потом и с копом будете разбираться?

Он отвернулся от Элоизы. Открыл бардачок, достал жвачку, вытянул из пачки две пластинки и засунул в рот, а затем поудобнее устроился на сиденье, готовый прождать хоть весь вечер, пока эвакуатор не сдвинется с места.

Миссис Лейми, с трудом веря своим глазам, наклонилась вперед. От водителя она ожидала чего угодно, только не такой откровенной дерзости...

– Я настаиваю! Сигнальте – или можете попрощаться с этой работой.

– Да забирайте на хрен мою работу вместе с клаксоном! Успокойтесь, дамочка. Куда вы вообще так торопитесь? До Норт-Бич совсем недалеко. Честно говоря, вам проще было бы дойти. На вашем месте я бы так и сделал. Пешком дошли бы уже минут двадцать назад.

– Молодой человек, меня совершенно не интересуют ваши советы. Смотрите, он наконец отъехал. Ради бога, давайте уже трогайте! – Она махнула изящным запястьем в сторону улицы.

Пожав плечами, водитель вырулил из-за эвакуатора, который тоже влился в поток движения вместе с погруженным «мерседесом». До Портсмут-сквер оставалось всего два квартала, но и здесь они то и дело притормаживали из-за вереницы автомобилей, выезжающих на Бродвей и Коламбус-авеню. Курящие подростки слонялись по тротуарам вдоль площади и что-то выкрикивали.

Миссис Лейми смотрела вперед и никуда больше. Разглядывать ей ничего не хотелось. Даже в лимузине она чувствовала себя незащищенной, однако, если постараться, можно просто игнорировать все происходящее снаружи. Хотя, как только они выехали на Коламбус, три парня со странными рваными прическами вдруг наклонились к лимузину, показывая неприличные жесты под собственный смех и крики. Миссис Лейми сосредоточила взгляд на лобовом стекле, на ехавшей впереди машине, затем на кончике своего носа – лишь бы не обращать внимание на молодых болванов и вычеркнуть эту сцену из памяти.

– Что творят, а? – усмехнулся водитель. – Все из-за лимузина. Каждый раз одно и то же. Куда ни поедешь, везде показывают средние пальцы. Такая вот общественная реакция, понимаете? – Он покачал головой, явно восхищенный своей мудростью, и внимательно посмотрел на пассажирку в зеркало, как бы давая возможность восхититься вместе с ним и немного пофилософствовать.

Миссис Лейми промолчала. Она не обязана ничем восхищаться. В ее мире водители лимузинов не строят из себя знатоков социологии и заводят разговор, только когда к ним обращаются. Так и не дождавшись ответа, он покачал головой и в тишине поехал по Коламбус в сторону Вальехо.

Миссис Лейми показала на улочку между двумя кирпичными фасадами, исписанными граффити. Чуть дальше в глубине проулка виднелся внутренний дворик.

– Остановитесь здесь, – вдруг велела она.

– Прямо здесь? – удивленно переспросил водитель, ожидавший, что пассажирка выйдет в более подходящем месте.

- Да, именно так. В ваших услугах я больше не нуждаюсь, выйду здесь. Так понятнее?
– Как скажете.

Он пожал плечами, вышел из машины и открыл ей дверь, галантно указывая на асфальтовую дорожку, усыпанную мусором.

– Чаевых от меня не ждите, – сообщила миссис Лейми, решительно глядя на его подбородок. – Не знаю, сколько вам обычно дают, но признаюсь сразу, что сначала хотела оставить вам два доллара. Будет о чем подумать в течение вечера. Я практически уверена, что добралась бы сюда быстрее на обычном такси, где и водитель вел бы себя куда приличнее. От водителя ожидаешь достойного поведения, определенного уровня профессионализма и знания дела.

Миссис Лейми немного отошла, обернулась и посмотрела ему прямо в глаза. С уверенностью человека, сказавшего последнее слово, показала водителю две хрустящие банкноты по одному доллару, которые он упустил, затем окончательно убрала их в карман и направилась к дворику в переулке, не глядя назад.

Не успела она сделать и пары шагов, как раздался сигнал клаксона. Она машинально обернулась. Лимузин медленно ехал мимо входа во двор, а водитель, высунувшись наружу, махал ей из открытого окна, выкрикивая на прощание какие-то непотребства, связанные с принятием пищи. Миссис Лейми с запозданием заткнула уши и пошла дальше через двор, прислушиваясь к стуку собственных каблучков, что заглушал мысли о несовершенстве этого мира.

Проход под навесом в углу двора вел к еще одному извилистому проулку, круто уходящему вверх. На вершине располагалась небольшая парковка. Миссис Лейми пересекла ее и зашла в боковую дверь белого бетонного здания, на котором красными буквами было написано: «Миссия всей жизни». Чуть ниже курсивом шла надпись: «Церковь благоденствующих христиан».

Воздух внутри был неподвижным. Здание выглядело просторнее, чем казалось с улицы, и миссис Лейми прошла через неф мимо пустых скамей из пластика с узором под дерево. Она заглянула в безлюдную ризницу, затем в соседнее помещение с рядами стульев, где тоже никого не было, зато стояла стеклянная чаша с водой. С потолка свисали мощные телевизионные камеры и прожекторы, еще несколько стояло в углу. Она двинулась дальше, постучала в дверь кабинета, скрытого за матовым стеклом, и прислушалась. Табличка на двери гласила: «Преподобный Уайт». Внутри никого, тишина. Преподобный Уайт, судя по всему, был где-то на втором этаже.

Миссис Лейми поднялась по лестнице и открыла дверь в кухню ключом, который достала из сумочки. За кухней начинался коридор с комнатами на каждой стороне. Полы были покрыты белым линолеумом, витал запах карболки и алкоголя. В коридоре стояла хромированная подставка на колесиках, к которой крепилось множество пластиковых трубочек и зажимов, а также пакет с раствором для капельницы. Через открытую дверь в одном из помещений она увидела каталку и операционный стол. По телу прокатилась волна страха и дурного предчувствия, будто участь ее повисла над головой грозovým облаком. Миссис Лейми дважды постучала в окошко в следующей двери и нажала на кнопку интеркома.

- Кто там? – послышался мужской голос.
– Элоиза.

Дверь слегка приоткрылась, и в коридор высунулся мужчина, желая удостовериться, что его не разыграли и там действительно стоит миссис Лейми. Довольный увиденным, он широко улыбнулся и жестом пригласил ее войти. На нем был белый халат, надетый поверх красной рубашки и черных брюк. Лакированные туфли мужчина подобрал под цвет рубашки.

– Элоиза! – воскликнул он так, словно ждал этого момента многие недели. – Я уж думал, ты не придешь.

– И все-таки я здесь, преподобный, – с сарказмом отозвалась она. – Давайте уже поскорее с этим покончим.

– Лучше зови меня доктором. Это внизу я преподобный, а тут я врач.

– Скорее подпольный акушер. «Доктор» звучит слишком весомо.

Он пожал плечами.

– Аборты я, вообще-то, больше не делаю. Занимался этим, когда они были под запретом и приносили неплохие деньги. Теперь переключился на избирательную хирургию – в основном пластические операции.

Миссис Лейми скривила лицо, нехотя представив, что он имел в виду.

Он усмехнулся. Впрочем, его взгляд тотчас вновь стал серьезным, как и подобает человеку медицины.

– Люди приезжают ко мне со всего города. И даже из Лос-Анджелеса. Как мужчины, так и женщины. Неподалеку отсюда в баре «Кошачий зов» работает танцовщица, которая обязана мне своей карьерой. Не представляешь, за что люди готовы платить. Чуть ли не все девушки в Норт-Бич делают себе огромную грудь. Но людям такое надоедает. А еще есть особый спрос на... как бы сказать... нечеловеческие результаты. На физиологически неправильную анатомию. – Преподобный Уайт посмотрел на посетительницу, ожидая какую-то реакцию, однако Элоиза не выглядела смущенной, и ее лицо оставалось бесстрастным. – Так вот, даже это сейчас уходит в прошлое. «Кошачий зов» решили превратить в театр-ресторан, и моя клиентка осталась без работы... Ты совсем не ценишь мои таланты, Элоиза, и твое отношение кажется мне странным.

– Станным? Пятнадцать лет назад у вас отобрали лицензию, а вы все еще проводите жуткие операции в каком-то проулке. И что же странного в моем отношении?

– Дело не в этом, тут мне все ясно. Я одного не могу понять – почему ты, обратившись за помощью, продолжаешь меня оскорблять? – Преподобный Уайт закурил и откинулся на спинку вращающегося кресла, перемещая сигару из одного уголка рта в другой.

Миссис Лейми отмахнула густой дым от лица.

– Потому что я плачу вам, чтобы вы не задавали лишних вопросов. И я не хочу ничего знать о ваших отвратительных занятиях. Сколько уйдет времени?

Он повел плечами:

– Операция относительно несложная. Никаких внешних разрезов. Протягиваем трубочку через...

– Говорю же, мистер Уайт, хватит мерзких подробностей. Когда я смогу вернуться домой?

– Неделя постельного режима под наблюдением. Понадобится опытная медсестра. Затем еще четыре-пять недель до полного восстановления. Конечно, есть риск инфекции. Операция все-таки довольно опасная. Не понимаю, зачем она понадобилась тебе в таком... позднем возрасте, – улыбнулся он.

– Бизнес, – ответила Элоиза. – Больше вам знать не нужно.

Уайт кивнул.

– Каким же странным делом ты занимаешься, Элоиза?.. Впрочем, я в тебя верю. Наши усилия всегда приносят удовлетворение. И, естественно, я не собираюсь лезть в дела пациентов.

– Вот и не лезьте. Мы еще кое-что обсуждали по телефону. Сможем разобраться с этим прямо сейчас, до операции?

– Для этого мне понадобится другой халат. – Уайт встал и жестом указал на дверь. Они вышли в коридор, вернулись обратно через кухню и далее вниз по лестнице в церковь. Открыв дверь в свой кабинет, он пропустил миссис Лейми вперед, вошел сам и запер дверь на замок.

Кабинет оказался большим и красиво обставленным, на стенах висели картины, паркетный пол был укрыт ковром с восточными узорами. Половину пространства у одной стены закрывала японская ширма из шести блоков, а в центре кабинета на низком столике с безвкусной резьбой под стеклом располагалась коллекция монет «Франклин Минт». Преподобный Уайт сразу направился к противоположной от двери стене и снял с нее картину Нормана Рокуэлла.

– Это оригинал, – кивком показал он, прищуриваясь. – Обошелся мне в круглую сумму.
– Не сомневаюсь.

– Я просто обожаю Рокуэлла. Он умеет отобразить характер, что-то вроде... – Поворачивая замок на стенном сейфе, спрятанном за картиной, Уайт потерял нить разговора. Когда дверца сейфа открылась, преподобный аккуратно достал какой-то сверток в бархатной ткани и осторожно положил его на край ковра. Развязал ленточки с обеих сторон, развернул сверток – внутри лежали две длинные светлые кости, покрытые коричневыми и черными пятнами. Пористые и сухие на вид, с концов кости уже немного осыпались.

– Об этом и шла речь? – с сомнением спросила миссис Лейми.

– Да. К ним прилагаются документы, в которых подробно расписана вся история, уходящая корнями на тысячи лет назад. История, правда, не такая уж замысловатая. Скажу честно, я приобрел их по бросовой цене. Я многие годы занимаюсь мощами и лично знаком с человеком, у которого их купил. Вот нотариально заверенные бумаги.

Уайт протянул ей подписанный документ, в котором утверждалось, что это кости из предплечья Иосифа Аримафейского, первого из так называемых Королей-Рыбаков, согласно некоторым легендам о Граале. В свертке хранились две лучевые кости, найденные под полом церкви в Литве.

Миссис Лейми внимательно просмотрела документ: четыре неразборчивые подписи с завитушками, словно поставленные с одной только целью – красоваться в рамочке на стене среди множества поддельных дипломов.

– Это просто бумажка, – сказала она. – Хотя у меня есть достоверные способы установить их подлинность. И я полностью уверена, преподобный, что вы не стали бы меня обманывать и не продали бы мне парочку старых обезьяньих костей за сотню тысяч долларов. – Элоиза не сводила с него глаз в ожидании ответа.

– Нет, конечно, не стал бы, – изумленно отозвался Уайт. – Вдобавок к этим документам даю вам свое честное слово.

Улыбнувшись, она встала и направилась к двери.

– Документы можете оставить себе. Подстелите птичкам в клетку. А кости пока оставьте в сейфе. Расплатусь с вами, как только встану на ноги после операции. Кстати, ничего не слышно про скелет Рёскина? Он мне тоже нужен. Целиком.

– Пока никаких новостей, но я прошупываю почву. Если появится, мы его достанем, я тебе торжественно клянусь. Мой человек в Англии заявляет, что в Конистоне этих костей нет.

– Да мне плевать, что там заявляет ваш англичанин! Если скелет не в Конистоне, значит, надо искать в другом месте. Господи, это же Джон Рёскин! Неужели никто не отслеживает захоронения великих мыслителей и писателей? Как можно было потерять его останки, что за беспечность?

Преподобный Уайт пожал плечами.

– Судя по всему, их кто-то забрал, причем давным-давно. А может, погребения и вовсе не было. Если нужно, мой человек способен достать саван Рёскина с цветочным узором. Говорят, однажды этот саван побрызгали святой водой и из него выросли виноградные лозы. Если мой человек сумеет его раздобыть...

– Пусть ваш человек раздобудет себе мозги.

– Он занимается поисками. Торжественно тебе клянусь...

– Торжественная клятва – это, конечно, прекрасно, – перебила миссис Лейми. – А не знаете, нет ли случайно скелета у того джентльмена, о котором мы говорили? У него же, вероятно, был доступ к останкам.

– Вообще-то, знаю. Знать такое – как раз моя задача. И будь у него скелет, об этом уже поползли бы слухи. Ты в курсе, что этот самый джентльмен – настоящий безумец?

– Трудно сказать, кто он такой. Хитрец и обманщик.

– И все же скелета Рёскина у него точно нет. Если ты настроена серьезно, я продолжу поиски.

– Заверяю вас, мои намерения крайне серьезны. И я буду глубоко разочарована, если вы решили иметь дело с ним, а не со мной. Обойдемся без игр.

– Подобные игры меня не интересуют.

– Тогда приступим к запланированному делу?

– С удовольствием, – сказал Уайт. – Мне понадобится другой халат.

Он сложил кости обратно в сейф, повесил картину на место, и они направились в операционную, где сестра в медицинской форме уже раскладывала инструменты.

Говард свернул на покрытую гравием дорожку, уходившую в темноту леса. После сильного дождя здесь, наверное, вообще не проехать. Колеса трейлера немного забуксовали на гравии, прицеп шатался из стороны в сторону на глубоких бороздах. Машина медленно ползла вперед под навесом из призрачных кипарисов-переростков, пока не вышла на край луга, остановившись в пятидесяти ярдах от обрыва.

Там, наполовину укрытый туманом, стоял дом прекрасного серого цвета, подобного цвету океана или цвету выброшенной на берег древесины. Поразительно, как хорошо Говард запомнил это место: в его сновидениях строение так и выглядело. Так странно, что даже немного пугает. Он не ездил по этой дорожке пятнадцать лет и все равно не забыл очертания отдельных камней в стене дома и обветшалые концы торчащих из крыши балок.

Во сне он поднимался по лестнице, и старая мельница превращалась в каменный дом Грэма. Лестница крепилась к наружной стене башенки, изгибом своим приводя на площадку перед дверью на второй этаж. Ступени были сделаны из разномастных бетонных плит, которые кувалдой выдолбили из тротуара и снизу укрепили стальными уголками от каркаса старой кровати, распаянного на мелкие кусочки. Вдоль стены, где ступени прикрепили к каменной стене башни, тянулись перила из железной трубы, но с трех других концов каждая ступенька просто висела в воздухе, и от одного их вида кружилась голова.

Во сне Говард шел вверх не спеша, внимательно разглядывая широкие линии известкового раствора между каменными блоками. Он как будто что-то искал, но что именно? Внезапно он заметил, что в жидком растворе аккуратно расположили всякие мелочи: бочком лежали разноцветные флаконы от духов, крошечные игрушки из металла, выцветший керамический Шалтай-Болтай, одетый в рубашку в горошек и зеленый галстук с булавкой; на его лице расплывалась широкая и хитрая улыбка всезнайки.

Только что Говард был где-то посередине лестницы, и вот он уже на самом верху, у облезлой двери, сердце в груди бешено колотится. Он развернулся и начал спускаться, перепрыгивая по две неровные ступеньки за раз и чувствуя, что кто-то, заметив его, вышел из-за той двери и теперь смотрит ему вслед. Говард направился напрямик к утесу, туда, где дорожка упиралась в заросли сорняков, и едва не наткнулся на старый пикап, из которого двое рабочих выгружали застеленные соломой ящики с керамическими Шалтаями-Болтаями.

Дурацкий сон, особенно заключительная часть. При свете дня это сразу понимаешь. А вот когда такое приснится часа в два ночи... В темноте значение снов преувеличивается. После заката сновидческая математика действует по собственным правилам. А сейчас как раз начинало темнеть. Минут через двадцать солнце полностью скроется.

Говард смотрел на дом в ожидании, что вот-вот распахнется дверь и кто-то выглянет наружу. Наверняка же было слышно, как он подъехал. Густые ветви кустарников, которые раньше почти целиком закрывали западное окно на первом этаже, вырубili, чтобы в дом попадало больше света. На траве лежали кровельные доски, рядом с ними – телефонный столб, распиленный на небольшие брусочки. Кучки песка и гравия накрыты выцветшим на солнце брезентом, старая бетономешалка подключена к ржавому бензиновому генератору на колесах. Груды собранных по размеру камней лежали вдоль края бушующей виноградной лозы и сами уже поросли травой. За открытой дверью низкого амбара с односкатной крышей, вытянувшегося среди кипарисов и эвкалиптов, посреди горы древесной стружки виднелась лесопильная установка.

Говард вышел из трейлера, забрав с собой ключи. Сильно пахло кедром, гниющей растительностью и туманом, а плотную завесу тишины нарушал лишь стон береговой сирены, доносившийся откуда-то с севера. Обогнув дом, он направился к обрыву и замер у металлического сарайчика, будто сошедшего со страниц каталога «Сирс и Роубак». В доме было темно.

Туман неожиданно рассеялся, и остатков дневного света хватило, чтобы рассмотреть черные скалы внизу в сотне футов от края утеса. Разбиваясь о них, накатывали и снова отступали волны. На вершине одной скалы, будто статуя на постаменте, торчала помятая старая машина, частично скрытая под водой. Она явно сорвалась с обрыва. Что за марка? Выглядит необычно. Сразу и не поймешь, где капот, а где багажник. Неужели «студебекер»? Океан отступил, подпитывая накатывающую волну, и автомобиль показался целиком. Действительно, старый «студебекер», такие делали в начале пятидесятых. Надо же, какое совпадение. Вдруг это та самая машина с призраками?

Говард усмехнулся. Ему нравилось воображать, как призраки разъезжают на странных автомобилях, попадая в передряги, возможно, грабят винный магазин или поджигают чью-то обувь. Однако потом он вспомнил про опустевший музей и банкротство дяди Роя, который был вынужден арендовать собственный дом у одного из кредиторов, забравшего его в уплату долга. К тому же начинало темнеть, и мысли о привидениях уже не веселили.

На разбитый «студебекер» опять накатили волны, расходясь надвое и стекая по бокам. Никаких следов ржавчины Говард не увидел. Значит, автомобиль свалился с обрыва совсем недавно.

Прямо позади, на склоне холма, стояли задние ворота амбара. Складывалось впечатление, что машину просто не поставили на ручник и она выкатилась оттуда и упала с утеса. В двадцати футах над пляжем из поверхности скалы торчал какой-то наполовину вырванный сучковатый кустарник, на котором повис задний бампер «студебекера», вероятно, замедливший падение. Теперь понятно, почему автомобиль не развалился на части.

Из-за мыса в поле зрения Говарда появился пеликан. Над пляжем он сделал круг и сел на капот машины, словно эмблема производителя. У Говарда внезапно закружилась голова, и он отошел от края обрыва. Пугающе ритмичный шум волн напомнил о скрипе мельничного колеса из его снов.

Что делать? Остаться здесь? Слишком самонадеянно – расхаживать по туманным полям, когда никого нет дома. Будто воришка. Да и какой в этом смысл? Грэм вполне мог уехать куда-нибудь на всю ночь. Вот и Говарду лучше бы отправиться в Мендосино и снять себе номер в отеле. А утром, постирав вещи, он позвонит дяде Рою и сообщит о своем приезде, объяснит, что добрался сюда на пару дней раньше, чем планировал, и... Шансов мало, но, если застать Сильвию врасплох, может, она не успеет испугаться. А если дома у дяди что-то пойдет не так, всегда можно перебраться в гостиницу.

Когда сзади послышались шаги, Говард смотрел на океан. Затем обернулся, ожидая все-таки увидеть Грэма. Но ему улыбался какой-то незнакомец. Не желая выглядеть подозритель-

ным, Говард уверенно протянул руку. Мужчина с силой ее пожал – одним мощным движением – и сразу отпустил.

– Мистер Джиммерс, – представился он, явно желая услышать объяснения по поводу того, с какой целью Говард рыскает вокруг дома. Выглядел мужчина не очень-то довольным, но и неприятностей от него, похоже, ждать не стоило. Лицо широкое и мясистое, как на карикатуре с жабой-джентльменом, волосы темные с проседью, спутанные. Одет он был в шерстяной свитер, на вид довольно удобный, старый джинсовый комбинезон и стоптанные домашние тапочки, словно только что сидел в кресле у камина за чтением. На вид лет шестьдесят, может, шестьдесят пять, невысокий и коренастый.

– Говард Бартон, – отозвался Говард и после паузы добавил: – Вообще-то я ищу мистера Грэма. Я приехал к нему с юга, из музея.

– Насчет восточного искусства?

– Верно. – Хорошо, что мужчина о нем слышал. Значит, его тут ждали. – Рой Бартон из Форт-Брэга – мой дядя.

Вряд ли, конечно, мистер Джиммерс знаком с его дядей, зато теперь, после упоминания о родственнике, живущем неподалеку, он вызовет меньше подозрений.

– Да ладно! Тот самый Рой Бартон? Музей духов, автомобиль с призраками?

Говард кивнул. От дядиной известности, видимо, не сбежишь.

Судя по выражению лица мистера Джиммерса, затея Роя Бартона у него восторга не вызывала. Он повернул голову набок и, прищурившись, осмотрел Говарда с ног до головы, как будто желая снять мерки.

– В сарай не заглядывал? – Мистер Джиммерс постучал костяшками пальцев по стенке красно-белого металлического сарайчика, где виднелась большая вмятина как раз на уровне автомобильного бампера. Вероятно, по пути к обрыву «студебекер» чуть не снес этот самый сарай. Покосившиеся раздвижные двери, покрытые ржавчиной, запирались смехотворно гигантским замком. И как, интересно, Говард мог туда попасть? Что за глупый вопрос? Хотя взломщику с отмычкой здесь работы на пару секунд.

– Я – нет, – ответил Говард. – А мистер Грэм дома?

Мистер Джиммерс явно смахивал на местного сумасшедшего. Что же он там прячет в своем сарае? Стояла эта конструкция на заросших сорняком деревянных балках чуть ли не на самом краю обрыва. В таких захудалых сарайчиках обычно не хранят ничего, кроме садовых инструментов.

По металлической крыше звякнули капли налетевшего дождя, и звук гулким эхом отозвался изнутри. На мгновение показалось, что из сарая слышны чьи-то голоса – возможно, голоса удивленных призраков, ссорящихся между собой. Такой вот обман слуха. Мистер Джиммерс вдруг опять прищурился и глянул на Говарда с неким изумлением, точно увидел его по-новому. Он прикрыл лицо рукой от дождя – хотя тот сразу же прекратился – и, развернувшись, потопал к дому, жестом призывая посетителя следовать за ним.

Уже у крыльца Говард заметил, что дверь в кабину трейлера со стороны пассажира приоткрыта. Он распахнул ее полностью. Бардачок тоже открыт и практически пуст. Исчезло пресс-папье, а с ним и многое другое: набор предохранителей, куча мелочи, манометр, карандаши, невскрытая пачка воска от доски для серфинга и всякое накопившееся за десять лет барахло, совершенно бесполезное для человека, который на него покусился. Говарда нагло обчистили, хотя, не считая пресс-папье, в бардачке не было ничего ценного. Нетронутым осталось пирожное и почти все наклейки – забрали одну с пеликаном.

Мистер Джиммерс стоял в проеме на входе в дом и ждал Говарда. Тот хлопнул дверцей автодома и побежал по извилистой дорожке к крыльцу.

– В обуви нельзя, – заявил мистер Джиммерс.

Говард разулся и аккуратно поставил ботинки у двери, рядом с тремя другими парами.

– Вы представляете, у меня из бардачка все стащили. В том числе пресс-папье, за которое я отдал почти двести долларов, – пожаловался Говард и подумал, не стоит ли включить самого Джиммерса в список подозреваемых. Впрочем, глянув на мужчину еще раз, выкинул эту мысль из головы.

Мистер Джиммерс невозмутимо рассматривал вечернее небо.

– Я уж было подумал, что ты привез с собой дождь. – Он вздохнул и опять бросил на Говарда косой взгляд. – Не советую оставлять тут машину открытой. Обдерут как липку. Они страсть как любят всякое барахло, особенно мелочевку. Глаз да глаз, не то и пуговицы с куртки унесут. Ходят по паркам с бумажными мешками и собирают всякое-разное: крышечки от бутылок, осколки цветного стекла, все, что валяется под ногами. Кухонные приборы готовы стащить прямо со стола.

– Кто же это? – спросил Говард.

– Да вся их чертова шайка! – Джиммерс протер очки краем жилетки. – От меня, правда, держатся подальше. Я зловерный тип, и они прекрасно это знают. Только завидят меня – и сразу в сторону, мол, пропустите мистера Джиммерса. Не давать спуску – такой у меня принцип. И очень даже правильный, рекомендую и тебе придерживаться. Ты к нам с юга, да?

– Верно. – Говард никак не мог понять, кому этот чертов Джиммерс не хочет давать спуску. – Так о ком вы говорите?

– Их тут называют клейщиками. Работают в некоторых общинах в лесу, выше уровня тумана. Производят товары для «Санберри», натуральные продукты. Все очень полезное. И вечно что-то строят. Половину этого дома как раз они и сделали. – Он показал на каменные стены и потолок с выступающими балками. – Они... можно сказать, любили Грэма. Чуть ли не боготворили его. Носились с ним как с королем. Но вы их тут вряд ли встретите, они редко приезжают в город. А вот машину только оставишь незапертой – и всё, сразу обчистят. Точно сороки, слетаются на всякие побрякушки.

– Спасибо, что предупредили.

– Что ж... – Мистер Джиммерс угрюмо покачал головой. – Тебе, мальчик мой, еще многое предстоит понять. Приехал с юга... А у нас тут все по-другому. Вот тебе мой совет: учись побыстрее, здесь полно людей, которые не станут обходиться с тобой так же хорошо, как я. И клейщики еще не худший вариант. Далеко не худший. Может, даже заведешь среди них приятелей – все зависит от того, кто ты такой на самом деле. Вот я, например, держу у себя в мастерской деревянную бочку и складываю туда всякое старье: шурупы и шайбы, гнутые гвозди, отломанные головы оловянных игрушек. И раз в два месяца, начиная с января, в первое воскресенье выставляю эту бочку в поле. На следующее утро она пустая. И они меня за это уважают. Я человек тяжелый, зато обращаюсь с ними справедливо, если мне позволяют.

Говард кивнул.

– Кажется, я понял, – сказал Говард, хотя ничего толком не понял. Головы от игрушек? Тут все по-другому? Что именно?

Мистер Джиммерс по-отечески положил руку ему на плечо:

– Ты еще и не такое успеешь тут увидеть, гарантирую. Можно сложить в шляпу все, что ты знаешь, и все равно останется место для кролика. И даже не думай, что сумеешь меня обхитрить. Я не говорил, что занимаюсь астрономией? Я уверен, что существует плоское, то есть двухмерное созвездие из пяти звезд в форме потира – чаши для причащения. Никто раньше не мог определить ее очертания, так как созвездие наклонено перпендикулярно вращению земли. В основании находится Сириус, Собачья звезда, она же указывает истинное направление к небесному мельничному колесу. Правда, скоро ее сдвинет с места боковой космический ветер, и тогда... – Он качнул головой. – Ты мне веришь?

– Конечно, – ответил Говард, а про себя подумал, что его собеседник – самый настоящий псих. Упоминание небесной мельницы могло бы привлечь внимание Говарда, если бы

не смешалось с остальным вздором. Так вот что он, наверное, прячет в сарае – свое двухмерное созвездие. Впрочем, опасности от мистера Джиммерса не исходило. – У вас там, в сарае, обсерватория? – улыбнулся Говард, желая проявить интерес к беседе. И слишком поздно осознал, что его новый знакомый может обидеться.

– Что тебе известно про сарай? – сразу насторожился Джиммерс. – Ты заходил внутрь?

– Нет, я ведь только что приехал. Ничего мне не известно. – Беседа свернула совсем не в ту сторону. Надо бы сменить тему. – Так где же мистер Грэм? – еще раз спросил Говард.

– Умер, – ответил Джиммерс.

Глава 3

– Умер?

Мистер Джиммерс с серьезным видом кивнул, но в его опечаленном взгляде проскакивала все же некая подозрительность, будто он предполагал, что Говард что-то от него скрывает.

– Свалился с обрыва всего пару недель назад. Это его машина там, на скалах, внизу. Падение с такой высоты несовместимо с жизнью. Тело так и не нашли. Я предполагаю, что бедолагу выбросило в воду и унесло береговым течением далеко на юг. В общем, ты бы мог дожидаться его и у себя дома.

Потрясенный, Говард прошел за мистером Джиммерсом в тускло освещенную гостиную.

– У вас не найдется чего-нибудь выпить? – спросил Говард, не боясь уже показаться невежливым. В желудке было на удивление пусто. Новость совершенно сбила его с толку, и почему-то возникло ощущение, что теперь все его планы нарушены, а жизнь и вовсе кардинально изменилась.

Мистер Джиммерс на вопрос о выпивке отреагировал озадаченным взглядом, словно не мог понять, зачем это нужно, однако потом кивнул и исчез в соседней комнате. Раздался приятный звон бокалов. Хотя бы один уместный звук, единственный знакомый звук за последнюю неделю.

В доме с каменным полом и каменными же стенами, покрытыми неровным слоем штукатурки, было холодно. От оплывших свечей в комнате едва ли становилось светлее, и помещение смахивало на храм. Очаг тоже был из камня и кирпича, и в гостиной, несмотря на мощное пламя, царил ледяная стужа. Говард подошел поближе к камину, пытаясь вспомнить, под каким камнем скрыта пустота, в которой пятнадцать лет назад спрятали рисунок. Никаких следов: ни трещин на стыках, ни сколотой известки.

Говард вытянул почти уже заледеневшие ноги перед огнем, пошевелил пальцами. Сейчас бы надеть ботинки обратно или достать вторую пару носков из трейлера. Только вот за окном мрак и туман, машину даже не видно за пеленой темноты, а в лесу рыщут воришки.

Опять вспомнилось пресс-папье, украденное из бардачка. Проучили его на двести долларов. И Грэм, оказывается, мертв...

Говард похлопал по карману, в котором лежало письмо от Грэма. Слава богу, что хотя бы его он не оставил в кабине трейлера. Может, прямо сейчас показать письмо мистеру Джиммерсу, пока суд по делам о наследстве – или кто там этим занимается – не забрал все вещи Грэма? Тогда рисунок будет утерян навсегда. С другой стороны, кто вообще такой этот чертов Джиммерс? Расположился тут, расхаживает по комнатам, как у себя дома, ведет странные разговоры про сарай... Говарду вдруг ужасно захотелось заглянуть туда хотя бы одним глазком.

Хватит, что за глупости! Если его застукают возле сарая или камина, вся затея с рисунком Хокуся, и так уже шаткая, пойдет прахом. В этот момент Говард заметил, что на стенах полно картин, фотографий и бесконечных гобеленов. Хорошенько рассмотреть их в тусклом свете не получалось, и он подошел ближе.

В целом он не увидел ничего примечательного: репродукции сцен охоты и портретов странно одетых женщин с развевающимися волосами, не принадлежащих ни к одной известной исторической эпохе. Жуткие африканские маски, деревянные марионетки и шкафчик-витрина, забитый посудой из цветного стекла... Куда, кстати, запропастился мистер Джиммерс? Точнее, куда запропастилась обещанная выпивка?

Говард направился в соседнюю комнату. Здесь горел яркий свет от самой настоящей электрической лампы. Тогда зачем все эти свечи в гостиной? Возможно, мистер Джиммерс просто любитель создать атмосферу. Говард сразу вспомнил эту комнату – с восточными коврами, разномастной дубовой мебелью и деревянной люстрой.

На стене выстроились в вертикальный ряд три старинные фотографии в неудачных рамках. В памяти всплыл университетский курс по прерафаэлизму в фотографии: тогда для их изготовления применялся коллодионный процесс. Снимки сделал Джон Рёскин, но в каком году? В 1855-м? Или в 1860-м? В любом случае это антиквариат, и, если фотографии оригинальные, какой-нибудь коллекционер выложит за них целое состояние. Говард уставился на снимки, не веря своим глазам. Он уже видел их давным-давно, но лишь теперь понял, что перед ним серия фотографий Рёскина «Тинтернское аббатство».

Десять лет назад Говард не интересовался ничем, кроме работ Братства прерафаэлитов, и с трудом одолел эссе Рёскина «Семь светочей архитектуры» и его бессвязные лекции о прерафаэлитах. Собственно, сам Майкл Грэм был праправнуком Джеймса Грэма, фотографа-прерафаэлиты. Однако дело было не только в этом. Джона Рёскина считали крайне загадочной фигурой. Страдающий импотенцией гений, окруженный творческими фанатиками, бескрайне преданными ему самому и его страстному желанию воплотить природу в искусстве.

Так или иначе, неудивительно, что Майкл Грэм оказался владельцем этих фотографий. Вполне возможно, они достались ему по наследству. И, представьте себе, годами висели здесь на стенах, собирая пыль! Этот дом – настоящая сокровищница для коллекционера.

Говард вдруг почувствовал на себе взгляд мистера Джиммерса. Тот стоял в дверном проеме с бокалом в одной руке и бутылкой вина – в другой. Говард предпочел бы пиво, но в данный момент это было совсем не важно по сравнению с письмом в кармане.

– Я хотел спросить насчет японского рисунка, – начал Говард, решив сразу перейти к делу. Мистер Джиммерс уже понял, с какой целью он приехал, так зачем ходить вокруг да около?

– Я тоже. Что тебе о нем известно?

– Ничего. Знаю только, что мистер Грэм собирался отдать его в музей.

Он вытащил письмо из кармана и протянул Джиммерсу.

– За этим ты и приехал, да? Спустя годы? И что же тебя подтолкнуло – жадность или что-то другое? Я всегда хорошо разбирался в импульсивных желаниях, и есть в твоих глазах нечто загадочное.

Говард постарался бросить на него взгляд, лишенный какой-либо загадочности. С чего вдруг Джиммерс стал откровенно подозрительным и устроил ему допрос?

– Вся эта ерунда про кражу, – продолжал мистер Джиммерс, – про то, что из машины якобы украли какую-то там стеклянную безделушку, – все это выдумка, да? Хитрая уловка. Решил отвести подозрения и выставить себя жертвой воришек. – Он резко закивал, потом еще одним кивком указал куда-то на стену. – Его украли, так ведь?

– Что? Украли мой трейлер? – Говард от испуга сделал шаг в сторону двери, но быстро понял, что мистер Джиммерс говорил вовсе не о его машине. Он имел в виду рисунок. – Когда его украли? Я уже неделю в дороге...

– Неделю? Да из Лос-Анджелеса за день можно добраться! Езды часов одиннадцать. Или, мой таинственный незнакомец, ты уже несколько дней бродишь по округе? – Мистер Джиммерс чересчур драматично поднял брови. – Полагаю, именно ты способен объяснить, куда пропал рисунок и кто убил беднягу Грэма.

– Убил?! – воскликнул Говард.

Секунд двадцать Джиммерс неотрывно смотрел на Говарда, пока тот переваривал услышанное. А потом вдруг громко засмеялся, прогнувшись вперед и хлопая себя по колену, – наверное, решил пошутить над дурачком с юга. Он провел рукой по волосам, взъерошив их, и с отвратительной ухмылкой направился к Говарду, протягивая ему бокал.

– Не унывай! В наши дни никому нельзя доверять. Обчистят по полной, только волю дай. У нас тут есть поговорка: «Давить в их же логове». А если не получается, дави в другом

месте. – Джиммерс по-заговорщицки подмигнул и дернул за подтяжку, которая щелкнула о грудь. – Идем наверх, – добавил он, унося с собой бутылку и бокал. – Покажу тебе кое-что.

Вина он сегодня, пожалуй, так и не дождетя, подумал Говард. Впрочем, от сердца отлегло. Судя по всему, рисунок никуда не подевался. Опасаясь воров, мистер Джиммерс спрятал его подальше. Он, конечно, тот еще чудака, но по-своему умен. Только что же произошло со стариной Грэмом? Его действительно убили? Если убили, то за что? Кому понадобилось убивать девяностолетнего старика?

Лестница привела их на третий этаж, где за витражным окном скрывалась темнота. На витраже была то ли каменная стена, сложенная из лосося, то ли пересохшая река с бьющимися рыбами. У стены лежал сломанный Шалтай-Болтай, а с лесистых холмов спускались два автомобиля странной формы, скрепленные тонкими нитями медной фольги и украшенные кусочками граненого стекла.

Так вот откуда в моем сне Шалтай-Болтай, подумал Говард, чувствуя некоторое облегчение. Много лет назад он наверняка видел это окно, и с тех пор образ Шалтая-Болтая засел где-то в подсознании. Даже у самых причудливых деталей из сновидений есть вполне банальное объяснение. Впрочем, это окно может оказаться очередной тайной без разгадки.

Он не успел хорошенько рассмотреть витраж, потому что мистер Джиммерс открыл дверь, ведущую на чердак, включил свет и отступил, пропуская гостя в просторную комнату. Под потолком были видны открытые балки и нижняя часть кровли. Днем источником света здесь служили два больших витражных окна в крыше и еще два в стене, с видом на океан. В углу стоял семидюймовый телескоп на колесиках, окруженный картами созвездий. Посередине расположились дубовый стол и два удобных на вид мягких кресла. Полки вдоль стен были завалены книгами, готовыми вот-вот упасть на пол. Сильно пахло трубочным табаком.

– Бутылку оставь себе, – сказал мистер Джиммерс.

– Что, простите? – обернувшись, спросил Говард.

Джиммерс по-прежнему стоял в коридоре. Бутылку вина и бокал он поставил на пол прямо на входе в комнату. Говард не успел сдвинуться с места, как щелкнул замок. В двери открылось небольшое окошко, мистер Джиммерс заглянул внутрь; виднелись только его глаза и нос.

– Сэндвич с ветчиной подойдет?

Говард промолчал. Он был в ярости.

– Считаю, это досмотр, – продолжал Джиммерс. – Как будто ты только что пересек границу восточной Европы и тебя задержали для проверки документов. Всё ли в порядке, или пора пускать в ход резиновые дубинки?

Мистер Джиммерс со смехом закрыл окошко и, судя по звукам, пошел по лестнице вниз. Потом стало тихо. Говард ждал его возвращения, думая, что дверь вот-вот откроется. Наверняка это очередная шутка. Чувство юмора у мистера Джиммерса явно какое-то неземное.

Хотя через десять минут окошко вновь открылось, мистер Джиммерс вовсе не собирался выпускать Говарда. Он принес сэндвич с ветчиной, пачку чипсов и переспелый банан. Затем сунул в окошко уголок покрывала, и Говард с благодарностью потянул его на себя, словно фокусник, вытаскивающий огромный шарф через горлышко крошечной бутылки.

– Поосторожней с обогревателем, – сказал мистер Джиммерс. – Если врубить на всю, выбьет пробки.

Окошко задвинулось, и он ушел.

Выходит, Говарда решили похитить. Точнее, уже похитили. С этим все ясно. Что теперь делать? Угрожать, кричать? Колотить по двери оловянной кружкой? Где ее только взять, эту кружку. Да и вообще, последние события казались настолько безумными, что Говард пока не понимал, что здесь происходит на самом деле. Мистер Джиммерс явно задумал какую-то хитрость. Через пару минут он наверняка...

Говард ждал, но Джиммерс так и не вернулся. Да, это настоящее похищение, его заперли на чердаке старого каменного дома на безлюдном обрыве.

На Говарда вдруг накатил волна страха. Он подошел к двери и начал стучать.

– Эй! Какого хрена!

Голос прозвучал громко и непривычно. В наступившей тишине слышался лишь шум волн, разбивающихся о рифы. Говард мерил шагами комнату, жутко злясь на Джиммерса, сжимал и разжимал кулаки, осознавая абсолютную беспомощность своего положения и всем сердцем желая вновь оказаться дома, в собственной гостиной, где играет музыка. Зачем он вообще сюда поехал, что его заставило?

Когда прошло полчаса, а мистер Джиммерс так и не вернулся, Говард решил смириться с судьбой. Кричать, молотить в дверь и что-то требовать – ниже его достоинства. Лучше сделать вид, что он ничуть не напуган, просто устал от глупого розыгрыша. Не будет же Джиммерс держать его тут слишком долго? Зачем? Правда, в последнее время почти все казалось бессмысленным. Говард понемногу превращался в Алису, заблудившуюся в Стране чудес на северном побережье.

Он резко встал и подергал двери в восточной стене. За одной скрывался полупустой встроенный шкаф, за другой – туалет с унитазом и раковиной. Покрутил краны – вода есть, на раковине кусок мыла и стаканчик. На полу стоял электрический обогреватель, Говард перетащил его в комнату и воткнул вилку в единственную найденную на чердаке розетку. Лучше уж пусть выбьет чертовы пробки, чем он тут замерзнет.

В целом на чердаке имелось все необходимое. Если мистер Джиммерс будет приносить еду, здесь можно спокойно провести несколько месяцев. Говард подбежал к окнам, открыл одно из них. В комнату просочился туманный воздух с ароматом влажных скал и океана. Он бы запросто сумел выбраться наружу, только вот прямо под ним начиналась пропасть – до скал внизу примерно сто пятьдесят футов. В крайнем случае можно разорвать покрывало – допустим, зубами – и сделать из полосок веревочную лестницу. Или же украсть ложку и смастерить из нее оружие, заточив о каменные стены. Правда, если кормить будут одними сэндвичами, о ложке можно и не мечтать...

Рассмеявшись вслух, Говард закрыл окно и завернулся в покрывало. Все это было настолько странно, что даже не верилось. Он подошел к двери и, взяв с пола бутылку вина, присмотрелся к этикетке. Хоть что-то приятное. «Вино из дикой ежевики. Ферма “Санберри”». Ниже была картинка в духе Нормана Рокуэлла с женщиной в лоскутном платье, которая собирает ежевику с кустарников, растущих прямо из-под капота «студебекера». Вся машина напоминала сад: на заднем сиденье цвели розы, с крыши торчали маргаритки. Кончики спаржи тянулись из шин и доходили до крыла автомобиля. Целое дерево, усеянное персиками, вымахало из багажника. Под картинкой была еще одна надпись: «Натуральное и полезное».

– Все страньше и страньше, – сказал Говард вслух. Потом, собравшись с духом, отпил вина – и тут же скривился и поставил бутылку к двери. Во рту остался кислый привкус диких трав и неспелых ягод. Еще одна дурацкая шуточка Джиммерса. Никакое это не вино, а больше похоже на жидкость для мытья подгоревших сковородок.

Он зашел в туалет и налил стакан воды. Затем присел в кресло, чтобы все обдумать. Вряд ли Джиммерс скоро откроет дверь и выпустит его отсюда. Планы крушились с поразительной скоростью; вместо них в голову приходили беспокойные мысли, намеки и фантастические идеи. Говард чувствовал себя рыбой, плывущей по темной реке и впервые с удивлением заметившей, что вокруг нее постепенно сжимается сеть. Пытаясь как-то объяснить поведение мистера Джиммерса, он неожиданно вспомнил про покрытый водорослями «фольксваген». Как и все остальное, включая витраж, винную этикетку, «студебекер» и обчищенный бардачок, минивэн своим видом намекал на то, что северное побережье – отдельная вселенная, скрытая в тумане, и в этой вселенной действуют собственные законы природы.

Много лет назад на побережье процветали религиозные культы: бесследно исчезали автостопщики, на пустынных пляжах проводились кровавые ритуалы, на дорожные отбойники насаживали отрубленные головы. Любопытно, что же стало с приверженцами культов? Неужели они нашли себе самую обычную работу, например, на целлюлозном заводе? Или они по-прежнему здесь, притаились в лесной чаще? И кто все-таки украл вещи из его трейлера? Как там говорил Джиммерс – клейщики? Что еще за хрень? Да и сам Джиммерс, кто он вообще такой? Глава какого-нибудь культа, поклоняющегося грибам? Нет, вряд ли. Судя по множеству книг, телескопу и всему остальному, он определенно чувствовал себя здесь как дома. Джиммерс давно тут живет, а старик Грэм не пустил бы к себе никаких аферистов.

Когда Говард бывал в этом доме пятнадцать лет назад, до чердака он вроде бы не добирался. Может, мистер Джиммерс уже тогда жил здесь и разглядывал небо в поисках малоизвестных созвездий. Кроме Говарда и Сильвии у Грэма в тот момент обитали и другие жильцы. Был один знахарь-травник, страшно гордый своей профессией, и художник из Сан-Франциско, рисовавший авангардные комиксы, тот самый Хорек, за которого Сильвия потом чуть не вышла замуж.

Говарду он сразу не понравился, даже когда между этим художником и Сильвией еще ничего не было. По крайней мере, так он себя уверял. Парень амбициозный и манерный в худшем смысле этих слов. Он носил одну черную перчатку и представлялся каким-то идиотским вымышленным именем. Как же... Точно, Морк. Морк из Фомории, комиксы «Черная рука». Приключения Короля Ночи. Родом он был из Норвегии, высокий светловолосый красавец – истинный ариец.

Помимо художника и знахаря вокруг слонялась целая орда типичных хиппи, появлявшихся с холмов и шоссе номер один; Грэм задействовал их в качестве разнорабочих. Кажется, у одного из них была машина, обклеенная чем-то странным... Говард порылся в памяти и вспомнил: деталями от часов, шестеренками, пружинами и стеклами. На капоте вместо эмблемы красовались солнечные часы из латуни.

Воспоминания навели на мысли о Сильвии, о ее лице. Тогда Говард был робким, хотя эту его черту ошибочно принимали за нелюдимость. Сейчас он уже не так робок – чтобы поездка на северное побережье принесла хоть какие-то результаты, нужно было действовать. Раньше они с Сильвией много времени проводили вместе, однако это ни к чему не привело. В тот вечер, когда он подарил ей лилию, оба решили, что так будет лучше. Отношения между кузенами – плохая идея. Или нет? Никаким законом это вроде не запрещено.

А ведь за последние годы ничего не прояснилось. Интересно, сейчас она такая же красивая? Так же подвержена мимолетным увлечениям? Практически все и всё вокруг вызывало у Сильвии интерес, она была из тех людей, которые всех считали хорошими и честными лишь потому, что и сами были такими. Прикупи она недвижимость на флоридских болотах, Говард даже не удивился бы.

Да и сам Хорек оказался для нее чем-то вроде подобного болота. Сильвия была доверчивой, прямо как ее отец. В молодые годы дядя Рой делал успехи в сфере продаж только благодаря тому, что бесконечно верил в товар, который пытался продать. Хотя и у людей, и у предметов бывают свои недостатки.

Возможно, именно поэтому Говарду всегда было легко в компании Сильвии. Она обращалась с ним так же мягко, как со всеми другими. А еще она каким-то образом умела превращать самые простые вещи в красивые. Она потрясающе выглядела в одежде из комиссионного магазина. Говард был готов проехать с одного побережья до другого, лишь бы попробовать ее простейшую запеканку. Она накрыла бы стол яркой скатертью, нарвала бы цветов – причем вовсе не ради показухи. Сильвия жила по заветам матушки-природы и несложные домашние дела выполняла как будто в танце. Замечал это не только Говард, что его как раз и волновало.

Как же он хотел, чтобы она оставалась его тайной... Увы, Сильвия ничьей тайной быть не желала.

Говард вздохнул, почувствовав себя отчасти виноватым, – зачем было копаться в давних страстях? Много воды утекло с тех пор, а здесь, на северном побережье, его окружает...

Он резко встал и подошел к стене, заметив то ли смазанную, то ли потемневшую штукатурку. Нет, это не просто пятно, здесь что-то спрятали, и оно просвечивает.

Говард из любопытства потер это место пальцем, и тонкий слой штукатурки отвалился. Под ним был маленький выпуклый кусочек металла красного цвета. Немного посомневавшись, Говард все-таки решил, что пленникам можно – и даже нужно – ковырять стены своей камеры. Следуя традиции, он достал перочинный ножик и начал скоблить лезвием вокруг металла, который, как ни странно, оказался крылом игрушечной машинки. Под изгибом крыла обнаружили и другие предметы, точно собранные для крошечного алтаря.

Он аккуратно счищал штукатурку, словно археолог на раскопках, и наконец на свет явился резной японский божок – Дайкоку, бог удачи. Дальше обнаружили стальная собачка из «Монополии», шарик из глины и закупоренный флакончик из-под духов с засушенными цветами фиалки внутри.

Говард принялся вспоминать, что ему известно о Майкле Грэме, – выходило, что не так уж много. Вряд ли это он засунул в стену странные фигурки, а если так, значит, Говард сильно в нем ошибался. Легкомысленность была вовсе не в духе Грэма. Он работал от рассвета до заката, готовил простой ужин, читал Библию и ложился спать. Трудно представить, чтобы им овладела какая-то шалость и заставила его спрятать под штукатурку игрушки.

И если бы фигурки находились поглубже, никто не обнаружил бы их до тех пор, пока дом не развалился бы. Они здесь не ради украшения, а с какой-то другой целью.

Говард провел рукой по стене под тайником – вдруг есть еще? Нащупав выпуклое место, он принялся скоблить, поднимая небольшое облако пыли. Из штукатурки торчали красные подошвы туфель Шалтая-Болтая.

Глава 4

Элоизу Лейми чем-то привлекали лилии – быть может, крупными мясистыми цветками или же длинными, рвущимися из земли стеблями, которые наводят на мысли о возбуждающей сцене из романа Д. Г. Лоуренса, хотя вслух она никогда бы в этом не призналась. Лилии подвержены мутациям и легко меняют цвет. Если и пахнут, то сильно и отталкивающе, как будто полны разложения, выделений и смерти.

Перед домом был разбит огород. Если бы Элоиза занималась им исключительно ради удовольствия, выглядел бы он совсем иначе. Но она мало что в жизни делала ради удовольствия, за долгие годы привыкла вести осмысленную жизнь, в которой не было места простым развлечениям.

На крыше дома напротив сидел прибитый гвоздями фанерный Шалтай-Болтай размером с человека. К счастью, утро было безветренное, поэтому он оставался неподвижным. Днем его расшевелит прибрежный бриз, и Шалтай начнет бесконечно махать рукой вместе с другими ветровыми игрушками, расположившимися на газоне соседа. Движение ради движения, только и всего. Эти деревянные штуковины не служили никакой цели, только сводили Элоизу с ума. Жуткая легкомысленность. Впрочем, рано или поздно она с ними – и с соседом – разберется.

А пока она сосредоточила силы на своем участке, который являлся точной геометрической копией огорода, посаженного где-то ее единокровным братом Майклом Грэмом, прирожденным садоводом. Где именно он его посадил – одному Господу известно. Элоиза никогда не видела тот участок Майкла и не бывала в его доме на обрыве. Однако устройство участка она понимала. Чувствовала нутром, как страдающие от артрита чувствуют приближение дождя. А после недавней поездки в Сан-Франциско ощущение только усилилось.

Она посадила цветы в восемь рядов, сплошь гибридные клубни и луковицы. И это еще не все. На крыльце стояло шесть банок с краской, смешанной из натуральных веществ – ягод и корнеплодов, осенних листьев и опилок, а также крови. В ведре с чистой водой из океана плескались два моллюска. Элоиза выловила их полчаса назад во время прилива. Осторожно взяла одного и, держа за голову над чистой стеклянной миской, начала выдавливать, сначала аккуратно, затем все сильнее. Морской заяц долго не хотел делиться чернилами; наконец в миску хлынула вязкая ярко-фиолетовая жидкость. Когда она перестала капать, Элоиза бросила моллюска в чистую керамическую банку. Взяла второго, так же выжала из него чернила и отправила в банку к первому.

Затем очень осторожно вскрыла емкость с соляной кислотой и с шипением вылила ее на извивающиеся тела двух морских зайцев. Вскоре они замерли, и плоть начала растворяться в кислоте. Интересно, что получится, если их приготовить? Моллюски уже приобрели симпатичный зеленовато-коричневый цвет. Из них по-прежнему сочились фиолетовые капли, придавая смеси интересный оттенок.

Рядом лежали две кости из предплечья, купленные в Сан-Франциско. Когда Элоиза честно призналась преподобному Уайту, что намерена сделать из них «волшебную лозу», он лишь пожал плечами. Ее затею он не понял, однако знал Элоизу слишком хорошо и поэтому в ней не сомневался. Кости соединили локтевой стороной и связали лоскутами звериной шкуры. Кусочки шкур – наиболее интересные фрагменты – ей тоже достались от Уайта, но были такими маленькими, что пришлось сшивать их между собой. Получившееся выглядело не очень симпатично и целую неделю источало ужасающий запах, который, к счастью, выветрился, как только предмет просох.

Взяв в руки смастеренную таким образом рамку-лозоискатель в форме буквы V, Элоиза вышла на свободный клочок сада и сосредоточилась на земле и перегное, на червях и дождевой воде. Она закрыла глаза и представила симфонию движения в почве: все глубже ползут

корни, сдвигаются миллиарды частиц земли, тонут камни, гниют листья и отмершие корни, раскрываются, стремясь к поверхности, зерна, муравьи, кроты, суслики и черви роются в темноте, и вся поверхность суши движется, кишит, полнится жизнью так же размеренно и верно, как поверхность океана.

Своеобразная рамка клонила вниз, к земле, с такой силой, что Элоиза едва удерживала его в руках.

– Капуста, – произнесла она вслух и, прикрыв глаза, как наяву, увидела перед собой кочаны. Он высаживал капусту.

Открыв глаза, Элоиза покачнулась. Ее ослепил солнечный свет, и она едва не потеряла равновесие. Постаралась вернуться мыслями в собственный огород и пометила нужное место палкой, затем двинулась дальше. Что же посадить на этой грядке? Какая растительность сможет навредить его капусте?

Она действовала инстинктивно. Совсем скоро станет ясно, где спрятан его сад и где скрывается он сам, и тогда Элоиза увидит результат своих трудов. Забавно, что ей пришлось вступить в первую в мире овощную войну. И это сражение она обязана выиграть. Дряхлый старик был при смерти, и его мощь умирала вместе с ним.

Элоиза сходила за лопатой и, напевая себе под нос, начала выкапывать ямки, а на дно каждой клала по клубню. Морской бриз взъерошил ей волосы, и она бросила хмурый взгляд на ту штуку на соседской крыше. Ветер подхватил фанерную руку, и та медленно вытянулась в насмешливом приветствии. Элоиза стала напевать громче, и так, напевая, она полила каждый клубень чернилами моллюска и засыпала ямки землей.

Когда Говард проснулся, все тело ныло. Спать в кресле – занятие довольно утомительное, и полночи он пробовал устроиться поудобнее. Ближе к утру наконец-то крепко заснул, а теперь был весь растрепанный и помятый, шея затекла.

Внезапно он понял, что именно его разбудило: кто-то позвал его по имени. В замке задрезжал ключ: за распахнувшейся дверью стояли мистер Джиммерс и – о чудо! – Сильвия. Говард выпрямился, быстренько протер лицо, пригладил волосы, выбрался из кокона покрывала и встал, хотя из-за боли в спине чуть не согнулся пополам.

– Сильвия! – воскликнул он, желая придать голосу радости и уверенности. Увы, из горла вырвался только хрип.

Мистер Джиммерс смотрел на Сильвию с восторженным видом гордого отца и взглядом как бы намекал Говарду, что ожидание этой встречи явно того стоило.

И он был прав. Сильвия ничуть не изменилась. Все такая же бледная, почти прозрачная кожа, пышные темные волосы в художественном беспорядке. На губах слишком яркая красная помада, однако в данный момент Сильвия казалась идеально подходящей для этой яркости, даже если Говард не помнил и не ожидал увидеть ее такой. Большие глаза – тоже что-то новое. Она будто сошла с картины Россетти и нанесла современный макияж, а также облачилась в сшитую вручную одежду из натуральных тканей. Сильвия прекрасно смотрелась бы даже в мешке из-под муки или в широком гавайском платье.

– Выглядишь ужасно, – сказала она, едва не усмехнувшись.

– Неужели? – выдавил Говард.

Приятно, что она начала разговор шутливо, хотя они не виделись уже много лет. «Как бы перестать ужасно выглядеть?» – подумал Говард, но в голову ничего не приходило.

– Да, просто кошмар. Это я виновата, что тебе пришлось провести всю ночь в кресле. Я вчера поздно вернулась домой, и мистер Джиммерс только утром до меня дозвонился. Сказал, что запер на чердаке мужчину, который может оказаться грабителем или убийцей, хоть и уверяет, что он мой кузен. Мы ожидали тебя только к концу недели.

– Я спешил. Со временем уединение выматывает.

– А уединился ты давно? Неудивительно, что у тебя такой вид.

Судя по улыбке Сильвии, она не сомневалась в чувстве юмора Говарда, словно они встречались лишь на прошлой неделе и ей хорошо известны все его достоинства и недостатки. Говард еще не до конца проснулся, но все-таки вспомнил – именно по этой причине, помимо прочих, он не смог ее забыть.

Говард сбросил покрывало и заставил себя улыбнуться. Выглядел он достаточно нелепо. Сильвии его приключения на чердаке наверняка казались чертовски смешными.

– И мне ужасно жаль, что так вышло, – сказал ему мистер Джиммерс. – В последнее время тут творятся какие-то грязные дела, тем более после падения мистера Грэма с обрыва. Ситуация на северном побережье... скажем так, нестабильная, а твое внезапное появление выглядело подозрительным. Надеюсь, ты меня простишь.

– Конечно, – ответил Говард. – Ничего страшного.

Он вдруг понял, что с легкостью простит Джиммерса. Все-таки он друг Сильвии. Интересно, насколько близко они знают друг друга и не поможет ли это достать рисунок... Ладно, хватит мыслить эгоистично. Мистером Джиммерсом он займется позже. Говарду он уже успел надоесть.

Джиммерс кинулся к обогревателю и поспешил вытащить вилку из розетки, скептически поглядывая на обтрепанный шнур. Затем открыл одно окно.

– Душно тут. – Он сморщил лицо и внезапно заметил сточенную стену. – Думал прорыть ход? – спросил Джиммерс, показывая на сбитую штукатурку. – Какой любопытный человек, – добавил он, обращаясь к Сильвии. – Всегда надо быть настороже с тем, кто ищет что-то спрятанное в стенах.

Сильвия присмотрелась к штукатурке.

– Там действительно что-то спрятано, – сказала она Джиммерсу.

– Может, он сам туда запихнул эти штуки?

– Я... Ничего я не пихал, – промямлил Говард под напором очередной чепухи от Джиммерса. – Да и каким образом?

Джиммерс пожал плечами, мол, готов поверить ему на слово только из вежливости.

– Будь у тебя такая возможность, наверняка запихнул бы, не сомневаюсь. Что думаешь, Сильвия?

– Я бы тоже запихнула. Ладно, мне пора обратно в магазин. Некоторым, знаете ли, надо работать. Куда поедешь дальше? – спросила она у Говарда.

– Ну... Собирался к дяде Рою. К тебе домой. Ты ведь по-прежнему там живешь?

Сильвия кивнула.

Говард как будто напрашивался, хотя заранее прислал им письмо, сообщая о своем приезде. Правда, письмом он тоже, считай, напросился.

– У нас не роскошный дворец, – сказала она.

– Мне и не нужен дворец. Я не любитель роскоши.

– Да, и никогда таким не был. – Сильвия подошла ближе и по-сестрински поцеловала его в щеку. – Отцу сейчас туго. Платежеспособным его не назовешь. Хотя, думаю, вы легко найдете общий язык.

Сколько Говард себя помнил, дяде Рою всегда приходилось туго. Он с гордостью называл себя бизнесменом, по молодости был неплохим торговцем, потом несколько лет кое-как зарабатывал на жизнь, открыв зоомагазин. Затем продал его и влез в большие долги из-за музея духов.

– Я хочу помочь, – сказал Говард. – Последние два года я только и делал, что откладывал деньги.

– Отец не любит подаяния, – решительно заявила Сильвия. – Лучше даже не предлагай.

– Да я не в этом смысле. Хотел сказать, что не намерен садиться ему на шею.

Похоже, мистеру Джиммерсу было неловко слушать их разговор, и он понемногу отходил к двери. Пора бы Говарду выселяться.

Сильвия ослепительно улыбнулась и потрогала свою кварцевую подвеску на медной цепочке.

– Меня ждет работа. – Она тоже направилась к выходу. – Доедешь сам?

– Конечно, без проблем. Адрес у меня есть.

Поскорее бы выбраться из чердака и из этого дома. Нужно больше пространства, чтобы все обдумать, перестроить свои знания о мире.

Мистер Джиммерс вышел вслед за Сильвией; через пару минут Говард тоже спустился на первый этаж. Джиммерс спросил, будет ли он завтракать.

– Я не успел проявить должное гостеприимство. – Он почему-то выглядел подавленным. – Я ведь своего рода ученый, изобретатель и, боюсь, иногда забываю о хороших манерах. Живу, как видишь, просто, заботиться не о ком...

Мистер Джиммерс неожиданно открывался с новой стороны. Говард и не подумал, насколько, должно быть, одиноко жить в таком отдаленном месте на краю обрыва. Теперь, когда Грэм умер – или даже был убит, – Джиммерс остался один, и неудивительно, что незнакомцы внушали ему страх.

– Извини, могу предложить только консервированное рагу, – продолжал Джиммерс, доставая с полки банку. – Можно обжарить с яйцами и положить на тост, будет неплохо. Жаль, хлеба у нас нет. Последние куски ушли на твой вчерашний сэндвич. Зато есть соль. Сам-то я не завтракаю, иначе весь обмен веществ нарушается. Пью цикорий, залив его горячей водой из-под крана. Так, чтобы промыть трубы.

– Спасибо, мне пора ехать в Форт-Брэгг, – отказался Говард как можно вежливее. – Я тоже не особо жалую завтраки.

Джиммерс убрал банку обратно в шкафчик.

– Может, цикорий навести?

– С трубами порядок, – улыбнулся Говард, выставив перед собой руку. – Ну, я пойду. Сэндвич вчера, кстати, был супер.

– Ты мне льстишь. – Джиммерс провел его к выходу через комнату с камином. На крыльце Говард обулся. Простоявшие там всю ночь ботинки были сырыми и липкими. Что ж, высохнут в трейлере, если включить обогрев. – Ну, всего хорошего, – пожелал мистер Джиммерс, закрывая за собой дверь, как только Говард спустился с крыльца. – Спасибо, что заехал.

Утро стояло ясное и холодное. Между голубым небом и океаном серым покровом лежал туман, но до него было далеко. Днем наверняка потеплеет. Говард с радостью ждал завтрака в Форт-Брэгг. Он подошел к двери автодома, чтобы сразу бросить внутрь куртку. На стекле ровно посередине красовалась наклейка с пеликаном. Так вот почему Джиммерс назвал их *клеящиками*. Украли дурацкую наклейку, а потом прилепили на первое попавшееся стекло. Ну и ладно, подумал Говард. Примерно туда он и собирался ее прикрепить. Считай, сделали за него всю работу.

Через пару минут он двинулся на север, размышляя о событиях последних суток. От мистера Джиммерса Говард ничего толком не узнал. Украли рисунок все-таки или нет? Может, Джиммерс его спрятал? Например, в самом таинственном сарае? Только не это. Неделя в таком тумане, и рисунок будет безнадежно испорчен. Все равно что бросить его в океан. Ничего, скоро он снова обратится к Джиммерсу, а дядя Рой ему поможет. Можно сказать, что музей пообещал заплатить, и тогда Говард сможет сунуть бедному дядюшке пару сотен долларов. Правда, действовать надо осторожно.

Опять вспомнилась ночь взаперти на чердаке. Говард там чуть не спятил от страха. Даже сейчас это недоразумение смеха не вызывало. Но не в полицию ведь обращаться! Что же все-таки происходило? В тумане по-прежнему витала какая-то загадка. Может, ему и удалось ее

разгадать, а может, и нет. Надо спросить у Сильвии, пусть ответит честно. Она, в отличие от Джиммерса, не станет шифроваться.

Сильвия... Первая встреча прошла как-то шероховато; он, похоже, произвел на нее совсем не то впечатление. Выставил себя на посмеище. Подумав об этом, Говард втянул живот и выпрямился, посмотрел на себя в зеркало. Не так уж плохо. Лицо не располнело. У некоторых с появлением лишнего веса лицо превращается в шар, но Говарду это не грозило. Метаболизм у него был сверхбыстрый, и он без зазрения совести мог есть что угодно, считая эту черту признаком хорошего здоровья. Порой бывало, что он переходил все границы, и тогда появлялось несколько жировых складок, которые легко было скрыть, если слишком уж не запускать ситуацию. Хорошо, что на пляжах северного побережья особо не позагораешь.

Может, снова выходить на пробежки? И больше никаких вредных перекусов вроде пончиков и бисквитов «Твинки». Будет новый распорядок в духе фермы «Санберри», и Говард приступит к нему сразу после завтрака в Форт-Брэгг, состоящего из целой горки блинчиков. Часок в день порубит дрова для дяди Роя, тоже не повредит. Отработает все блинчики.

Говард опустил стекла и глубоко вдохнул. Пахло океаном и гниловатой осенней растительностью. Вопреки мучениям на чердаке, он на удивление хорошо себя чувствовал. Впереди новый день.

Возможно, и к лучшему, если рисунок Хokusая утерян. Отношения с музеем будут практически разорваны. Всю прошедшую неделю рисунок служил Говарду приманкой; его пропажа дарует свободу, так ведь? Иначе пришлось бы тащиться обратно на юг, тратить свой отпуск и все-таки собирать выставку японского искусства, о которой он трепался. Столько сил было потрачено на то, чтобы уговорить миссис Глисон, а ради чего? До музея очень далеко. Скоро Говард уже забудет, где лежат скрепки и как пользоваться кофеваркой. А может, он приехал на север с целью здесь остаться?

Говард смахнул с края глаза песчинку неестественно голубого цвета – наверное, она казалась такой из-за отражения неба в зеркале заднего вида. С волосами порядок. Длинноваты немного, ну и ладно. А вот побриться не помешало бы. Много лет назад Говард пытался отрасстить бороду; выглядела она тогда как дешевая побрякушка с блошиного рынка. Теперь еще и седые волоски стали появляться, напоминая о возрасте... Неприятная мысль. Говард вдруг поежился, когда ветер с моря дунул в открытое окно.

Он проехал первый поворот на Мендосино и увидел Сильвию. Девушка стояла на заправке рядом с желтой «тойотой», но быстро исчезла из вида. Точно, ведь ее магазин как раз на центральной улице Мендосино, Мэйн-стрит. Когда-то Сильвия в подробностях рассказывала ему о том, как открыла это местечко и держала его на малые средства, получая лишь комиссию с продажи большинства товаров. Говард вдруг решил свернуть на Лэнсинг-стрит и оттуда уже к Мэйн.

У заправки никого не было. Вот и хорошо, а то Сильвия еще подумает, что он тайком за ней следит. Ему просто хотелось посмотреть на ее магазинчик, понять, какой стала ее жизнь за те годы, что они не виделись. Говард медленно ехал по улице, поражаясь количеству автомобилей. Мендосино прямо-таки превратился в парк развлечений для любителей шопинга! А вот и желтая «тойота» у обочины. Столько магазинов в одном месте... Какой же из них ее?

Вдруг на тротуаре перед лавкой с мороженым показалась Сильвия. Заметив Говарда, она округлила глаза и помахала ему – с удивленным и радостным видом. Говард улыбнулся, махнул в ответ и тут же по-дурацки отвел взгляд, делая вид, что он просто едет мимо. Он был не прочь остановиться и объяснить, что хотел увидеть ее магазинчик и заодно поблагодарить за спасение из цепкой хватки мистера Джиммерса, но рядом с Сильвией, качая головой и жестикулируя, стоял высокий, стройный и красиво одетый блондин – узнаваемый даже без черной перчатки.

– Вот черт! – выругался Говард вслух, жутко злясь на самого себя за неумение решать проблемы.

Он свернул направо на Альбион-стрит и чуть не врезался во встречную машину. Водитель посигналил и выкрикнул из окна что-то бессвязное. Говарда трясло, он затормозил у обочины и в изумлении уставился на крышу дома, стоящего через дорогу. Оттуда на улицу безмятежно взирал огромный яйцеобразный человек из дерева с уже знакомым лицом. Через пару мгновений он помахал рукой. Говард медленно двинулся вперед, лишь единожды глянув на существо в зеркало, – все-таки не померещилось.

Руки подрагивали на руле, и дело было не только в случившемся на дороге. Говард никогда прежде не чувствовал себя брошенным на произвол судьбы, оторванным от всего знакомого и родного. Как будто вокруг одни похитители тел. Вчера он, насвистывая песенку, кормил пеликана, а потом ехал за ним вдоль побережья. У него надежные карты автомобильных дорог от компании «Трипл Эй», а в кармане – аккуратно сложенное письмо от Майкла Грэма. В машине новый аккумулятор и передние фары. Даже чек об оплате остался.

Так что за чертовщина здесь творится? Неужто, заглядевшись на пеликана, он свернул не туда и попал в Безумвилль? Его проблемы и тревоги вовсе не испарились, а просто стали иначе выглядеть, поэтому на несколько дней Говард расслабился и перестал их замечать среди растительности северного побережья. Мимо по шоссе проносились автомобили, и одним легким движением руки Говард мог показать правый поворот вместо левого и просто отправиться домой.

Он достал из опустевшего бардачка пирожное «Санберри», снял обертку и немного откусил, совершенно не ожидая, что вкусом оно будет напоминать смесь земли с перемолотой травой. На еду вообще не похоже. К такому и пеликан не притронулся бы. Говард сунул пирожное обратно в упаковку и бросил на пол. Ну все, таких оскорблений он не потерпит. Впору вернуться и швырнуть этим пирожным в Хорька, чтобы заодно избавиться и от конкурента.

Он вдруг отчетливо понял, почему в Мендосино все так сложилось. Неделию назад Майкл Грэм услышал, как Говард у себя на юге, в округе Ориндж, заводит двигатель, и сказал Джиммерсу: «Пора! Выпускай Шалтаев-Болтаев». Опираясь на трость, он доковылял до гаража, забрался в старый «студебекер», снял машину с ручного тормоза, и она скатилась с обрыва прямоком в океан. Такая вот замысловатая шутка напоследок. А его верноподданный Джиммерс поджидал Говарда, сидя у окна, – с ухмылкой думал о том, как подаст знак клейщикам, а сам потом запрет гостя на чердаке и будет потчевать перезревшими бананами и вином, приготовленным из корней теми же ненормальными, которые его ограбили. Последним же актом станет появление спасительницы Сильвии – непременно в тот момент, когда Говард храпит, свернувшись в кресле, а изо рта течет слюна. Но и это еще не все. Что же предпринял Джиммерс после отъезда Говарда, пребывавшего, несмотря ни на что, в хорошем настроении? Позвонил Хорьку – наверное, на телефон в машине – и сообщил: «Он уже едет. Причешись скорее и бегом на улицу».

Здесь происходило что-то таинственное, это Говард успел понять, однако осознанию оно пока не поддавалось. На окраине Форт-Брэга из труб фабрики «Джорджия-Пасифик» вырывались клубы дыма, похожие на располневших призраков. Говард почувствовал голод. Наверное, в этом вся проблема. И для нее есть отличное решение – блинчики.

В этот момент над головой, перпендикулярно шоссе, пролетел пеликан, хлопая огромными судьбоносными крыльями, и Говард немедленно свернул на Харбор-драйв, следуя за птицей и вслух признавая, что он настоящий идиот.

Вылезая из машины на парковке ресторана «Капитан Англия», он заметил, что в кузове соседнего пикапа, устало привалившись к пеноблокам, сидит восковая кукла с вдавленной головой. Грустно поглядывая на Говарда, кукла как бы говорила: «Вот и я тоже». На ее волосах запеклась ненастоящая кровь, выпавший из глазницы глаз болтался на растянувшейся ниточке. Говард осмотрел куклу и с удивлением понял, что он вовсе не удивлен. Чего еще было ожидать после дня, проведенного на побережье?

Он запер дверь трейлера и направился к ресторану.

Глава 5

Дом дяди Роя располагался в конце Барнетт-стрит – подпирал бесконечно растянувшийся вверх по холмам хвойный лес. Обветшалую постройку викторианской эпохи не мешало бы подкрасить. С годами резные элементы пошли трещинами и посыпались, обломки висели на ржавых гвоздях. Дом явно пробовали привести в порядок, ажурные деревянные элементы зачистили и подремонтировали, но делалось все на скорую руку и, судя по виду, довольно давно. Шаткие леса, прикрепленные к западной стене дома рядом с карнизом, уже потемнели. Во дворе все заросло и пожухло, среди сорняков валялись пожелтевшие газеты, стянутые резинками.

Говард заглушил двигатель, но из машины не вышел. Желудок наполнился блинчиками и беконом, вещи удалось постирать и высушить. Он прибыл в пункт назначения и готов постучать в дверь дяди Роя – вот и я, ваш племянник с юга, давно не виделись. Какое облегчение. Наконец-то он среди родных, и, хотя дом выглядит запущенным, одна мысль о том, что здесь можно укрыться от потока безумия, преследующего его со вчерашнего дня, приносила успокоение.

Приглядевшись повнимательнее, Говард пришел к выводу, что дом кажется даже не запущенным, а заброшенным. Музей духов можно было бы устроить прямо здесь, и никто не усомнился бы в их присутствии. В открытом наверху окне развевались обрывки кружевных занавесок, кресло-качалка на крыльце наклонилось назад, затем медленно качнулось вперед. Где-то – вероятно, позади дома – хлопнула на ветру дверь. В остальном тут было тихо – и безлюдно.

Говард выбрался из трейлера, решив пока не брать с собой чемодан, и пошел по дорожке к деревянному крыльцу. Перед дверью краска давно истерлась. Он громко постучал. Чего стесняться? Дверь со скрипом открылась сама по себе, показав мрачную комнату со смутными очертаниями массивной мебели. У подножия лестницы на перевернутую стойку перил была насажена медная лампа в виде собачьей головы со светящимися глазами из стекла.

Кто же открыл ему дверь? Говард ждал, не двигаясь с места. Постучал еще раз по дверной раме. Может, дверь просто не заперта и распахнулась под давлением его руки... Нет, слишком тяжелая.

На ветру скрипнуло кресло-качалка.

– Есть кто дома? – негромко спросил Говард.

Откуда-то сверху донеслись первые ноты печальной органной музыки, затем внезапный крик банши, далекий и мучительный, словно запертый в шкафу. Лестницу освещал небольшой клочок света, и на мгновение Говарду почудилось, что на ступенях кто-то стоит. Женщина – то ли в кружевном платье, то ли в саване, – руки протянуты в мольбе, глаза горят выражением ужаса.

Говард отошел назад, на крыльцо. Сердце колотилось, как двигатель на пределе. Дверь резко захлопнулась, из открытого окна послышался смех, низкий и неестественный, какой бывает у цинично настроенных привидений. Под грохот цепей смех перешел в измученный стон, потом в громкий звук иглы, царапающей грампластинку, а потом вдруг прозвучал чей-то голос:

– Проклятье!

Из-за кружевной занавески на втором этаже показался располневший дядя Рой.

– Племянничек! – крикнул дядя и стукнулся макушкой об оконную раму. – Проклятье! Заходи уже, что стоишь под дверью!

Он скрылся за окном, а Говард вновь поднялся по ступенькам на крыльцо – с радостью и недоумением. Дядя Рой определенно его ждал. «Наконец-то дома», – мысленно сказал себе Говард и едва не рассмеялся вслух. Дверь опять открылась – на этот раз за ней стоял, потирая

голову, его дядя. Он пожал Говарду руку, затащил его внутрь и включил свет, отчего комната сразу повеселела.

– Ну как тебе? – спросил дядя Рой.

– Впечатляюще, – ответил Говард. – Особенно женщина на лестнице. После нее я и выскочил из дома.

– Это все марля. Натягиваешь в несколько слоев поперек лестницы, а потом включаешь проекцию. Изображение не самое качественное, но тут и не в качестве дело, правда?

– Да, призрак что надо.

– Важнее всего – воздействие. А это уж либо получится, либо нет. Так нас учили на курсах предпринимательства. Еще у меня есть натяжные летучие мыши из резины и скелет из университета в Сономе. И вот, посмотри-ка. – Дядя Рой повел гостя в кухню, где залез на табурет и достал с верхней полки банку. – Глазные яблоки. Самые настоящие глазные яблоки в спирте.

– Серьезно? – В банке действительно плавали всяких размеров глаза, взятые от разных существ. – Для чего они?

– Чтобы трупы могли играть в шарики. У меня есть пара восковых фигур, стоящих на четвереньках. Вполне себе мертвяки, жилистые, волосы отросшие, кожа висит клоками, одеты в какую-то рвань...

– Правда? – спросил Говард. – По-моему, одного из них я сегодня уже видел.

Дядя кивнул, ничуть не удивившись его словам.

– В общем, трупы бросают глазные яблоки и должны попасть в нарисованный кровью круг. Шикарное воздействие, очень отталкивающее. При виде глазных яблок, поверь мне, все бросаются врассыпную. Хотя с готовностью платят за такое зрелище. Убегают, а потом возвращаются и платят еще. Публика легко расстается с денежками, если выманить их правильной шляпой. – Дядя Рой поставил банку обратно и закрыл шкафчик.

Говард всегда считал, что музей духов был нужен дяде для «исследования паранормального», что он по-настоящему верил в призраков, настаивал на правдивости истории со «студебекером» и не желал развлекать людей восковыми куклами и проекциями мертвых женщин, из-за чего его затея и прогорела. И вот теперь дядя Рой занимается всякими дурачествами и хранит на кухне банку с глазами.

– Мальчик мой... – Дядя Рой вдруг повернулся и схватил его за руку. Говард почувствовал себя блудным сыном, который слишком долго скитался. – Как поживает твоя бедная матушка?

– Очень даже хорошо. У нее все в порядке. Вполне себе счастлива.

Дядя покачал головой, словно Говард рассказал ему, что мать живет на улице, а все ее пожитки уместились в одну сумку, которую она таскает за собой.

– Я считаю, она так и не оправилась после смерти твоего отца. Да и мне, как его брату, пришлось тяжело. У него, конечно, были свои недостатки... – Дядя Рой перевел взгляд на Говарда. – Может, оно и к лучшему, что ты был еще маленьким. Я вовсе не имею в виду, что расти без отца легко, просто детям постарше, когда они уже хорошо знают родителей, иногда бывает тяжелее. Пока мы сюда не переехали, я старался как мог восполнить эту потерю. Но разве это возможно?

Говард удивленно кивнул. Такие неожиданно искренние слова дяди его тронули.

– Вы старались, я знаю.

Это дядя Рой возил его на матчи и на пляж, рассказывал шутки и тайком подмигивал Говарду в серьезных ситуациях. Теперь дядя как будто сомневался в своих заслугах. Такое чувство, что он уже долгие годы беспокоится из-за того, что мало помогал племяннику. Говард вдруг решил обнять дядю, и тот, преодолев неловкость, тоже обнял его в ответ, затем протер глаза и вздохнул:

– Как летит время!

– И не говорите. – Говард сел в кресло. – Хотя вы почти не изменились.

– Растолстел, – пожал плечами дядя Рой. – А когда-то был в форме. Мог целый день проработать на солнце, а на следующий день встать – и все заново. Да ты и сам помнишь.

Говард кивнул.

– Кстати, ты уверен насчет мамы? Как она там? В письмах, знаешь ли, между строк скользит какая-то меланхолия.

– С ней и правда все хорошо, – ответил Говард. – Работает, составляет каталог для новой передвижной библиотеки. – Дядя Рой положил руку ему на плечо, вероятно, желая утешить. – Извините, что я так рано, – сменил Говард тему после небольшой паузы. – Не хотел внезапно свалиться на голову...

– Ничего страшного, мы ведь получили твое письмо. Сильвия звонила утром и сообщила, что ты сидел на чердаке у Джиммерса, привязанный к стулу. Черт бы побрал этого Джиммерса... Зато я успел подготовить женщину на лестнице. Ты к нам надолго?

Говард пожал плечами:

– Пока точно не знаю. Не хотелось бы вас стеснять...

Дядя Рой отмахнулся.

– А вы знакомы с этим мистером Джиммерсом? – спросил Говард, спеша поговорить о чем-то другом. – Я не очень-то понял, что он из себя представляет. Это Сильвия сказала, что я был привязан к стулу?

– Джиммерс тот еще тип. Мозги совсем набекрень. Ты ему одно, а он тебе другое. Про сарай рассказывал?

– Немного, – с сомнением ответил Говард.

– А как тебе дверь, которая открывается сама по себе? – улыбнулся дядя Рой.

Говард пытался вспомнить, какие двери у Джиммерса открывались сами. Или он имел в виду дверь сарая?

– Простите, я... – До него вдруг дошло, что дядя имел в виду дверь собственного дома. – Я сдаюсь. Как вы это сделали?

Дядя Рой открыл холодильник и, наклонившись, достал небольшую банку, в которой лежало что-то вроде отрубленных пальцев.

– Скажем так, с помощью механики. Что ты изучал в университете?

– В основном искусствоведение. Ну и литературу.

– Ерунда, на жизнь этим не заработаешь. Про магнетизм что-нибудь знаешь? «Миром будет управлять страна, которая подчинит себе магнетизм». Помнишь, кто это сказал?

– Понятия не имею, – покачал головой Говард.

– Диет Смит, из комиксов про Дика Трейси. А говоришь, литературу изучал. Сэндвич будешь?

– Нет, спасибо, я только что позавтракал.

– Надеюсь, не в «Джерси Дели»?

– Неа, где-то возле гавани. Капитан что-то там.

– А, «Капитан Англия». Знаю хозяина, это мой приятель. Завтраки неплохие. От «Джерси Дели» держись подальше. Жарят все на прошлогоднем масле. Однажды съел у них тухлое яйцо и чуть не отравился. Да и расположение неудачное. Думаю, они недолго протянут, как и девять предыдущих идиотов, открывавших там кафе. Хорошее место – самое главное. – Дядя Рой намазал два куска белого хлеба толстым слоем майонеза, а между ними положил шесть или даже восемь кусков мясной нарезки. – Огурчик дать? – предложил он, отвинчивая крышку с банки, набитой маринованными огурцами.

Воспоминание о заспиртованных глазных яблоках было еще настолько живо, что Говард отказался.

– А ты налетай, не стесняйся, – сказал он дяде.

– Для обеда еще рановато, хотя в моей жизни нет строгого расписания, понимаешь? Правда, спиртное строго после четырех. Нельзя поддаваться порокам. Нужно держать их под контролем. «В каждом излишестве таится корень его собственного разрушения». Это Зигмунд Фрейд сказал, когда был трезвый. Все остальное он говорил под веществами. Психологию изучал?

– Да не особо.

– Вот и молодец.

Дядя Рой вернулся в гостиную и упал в кресло, глубоко вздохнув, словно присел впервые за день после тяжелой работы.

Потертый твидовый пиджак, который приходился ему впору много лет назад, теперь натянулся под мышками, пуговицы смотрели в разные стороны. На ногах – мешковатые хлопковые брюки и протертые ботинки под названием «пенни-лоферы», на которых под кожаным ремешком действительно было отпечатано изображение монетки в один пенни. Дядя Рой молча поедая сэндвич.

Говард вдруг кое-что вспомнил:

– Слушайте, в Альбионе я встретил одного вашего знакомого. Сейчас, минутку. – Он вышел из дома и побежал к машине. Слова дяди о трезвости навели на мысль об упаковке пива, которая лежала в мини-холодильнике, который он заправил льдом в прачечной. Говард достал пиво, запер дверь трейлера и пошел обратно в дом. – Это подарок от Кэла из магазина в Альбионе. Просил передать, чтобы вы как-нибудь к нему заехали.

– Старый конокрад! – засмеялся дядя Рой. – Когда-то он был мастер рассказывать дурацкие анекдоты... Что получится, если скрестить обезьяну и норку?

Говард покачал головой.

– Охрененное пальто с чересчур длинными рукавами. – Дядя Рой опять рассмеялся, хлопая себя по колену, но быстро замолк, едва не подавившись сэндвичем. – Будешь? – предложил он, доставая пиво из упаковки. Вскрыл одну банку и сделал большой глоток.

– Спасибо, не хочу, – ответил Говард. – Во мне еще полно кофе с блинчиками.

– Я и сам до четырех обычно не пью, как уже говорил. Однако дареному коню в зубы не смотрят. Плохая примета.

Говард с ним согласился. Дядя прикончил первую банку пива, смял ее пополам, бросил на ковер и еще раз примял ногой, а затем открыл вторую.

– Да уж, давненько не виделись, – наконец сказал он, приглаживая волосы, хотя они и так лежали прямо и гладко поперек головы, истончаясь на макушке. С набранным весом лицо стало казаться веселым, принадлежащим человеку не от мира сего, и дяде Рою это очень даже шло.

– Почти пятнадцать лет, – кивнул Говард.

– Неужели так долго? Seriously? Всегда хотел спросить, что там у тебя с Сильвией. Поэтому ты и не приезжал? Между вами что-то было?

– Ничего такого. – Говард невольно покраснел. Перед ним все-таки отец Сильвии и его родной дядя. И неважно, в чем Говард сам себя уверял насчет Сильвии, правду не скроешь. – Знаете, как бывает... Расстояние в пятьсот миль все равно что в миллион. Сначала пишете друг другу письма, а потом перестаете. Без какой-либо причины, – сказал он, неловко махнув рукой.

Дядя Рой и тетя Эдит переехали в Лос-Анджелес после смерти отца Говарда. Сильвия и Говард тогда были совсем маленькими, и следующие восемнадцать лет они прожили на одной улице. После этого дядя и тетя поселились севернее, в Форт-Брэгге, где жить было дешевле и где, по словам дяди Роя, можно было найти свою нишу. В итоге он ее, конечно, нашел, только ниша оказалась довольно странной.

– А вы тут как? – спросил Говард. – Как поживает тетя Эдит?

– Хорошо. Отправилась в центр за покупками. Чертова корочка. – Край сэндвича завис над тарелкой. Дядя Рой вытащил из него кусок мясной нарезки в майонезе, подошел к выходу на крыльцо и швырнул куски хлеба на траву перед домом.

– Белкам. Они любят корку.

Дверь снова открылась, и в дом заглянула тетя Эдит, в руках держа картонную коробку с продуктами.

– Это ты бросил что-то на газон? – спросила она.

Дядя Рой, подмигнув Говарду, ответил:

– Это он.

Смятую банку дядя Рэй сунул под подушку на кресле, затем глянул на Говарда и, снова подмигнув, кивком показал на вторую, недопитую. Говард быстро сориентировался и взял банку в руки как раз в тот момент, когда тетя Эдит захлопнула дверь и внимательно на него посмотрела. Дядя Рой незаметно толкнул упаковку пива поближе к креслу Говарда и бросился забирать коробку, чтобы жена могла обнять племянника.

– Ты только погляди! – Она вырвалась из объятий и сделала шаг назад. Говард поставил банку с пивом на стол. – Вот так вымахал. Какой же у тебя рост?

– Шесть футов три дюйма, – ответил он.

– Я помню тебя еще во-от таким. – Тетя Эдит показала рукой на уровне талии и качнула головой. – Правда, слишком уж худой, тебе бы немного поправиться.

– С моей готовкой особо не растолстеешь.

Дядя Рой прошел в кухню и начал выкладывать продукты на стол, а затем аккуратно распределять все по полкам.

– Там еще в машине, – сказала ему тетя Эдит и снова обняла племянника. – Пусть Говард что-нибудь приготовит. Глядишь, Рой, и мы с тобой похудеем.

– Давайте я помогу с продуктами, – предложил Говард и вышел во двор, к припаркованной машине, длинному универсалу. В багажнике лежали еще две коробки, и он неуклюже поставил одну на другую. Внутри коробки, рядом с буханкой хлеба, соскользнуло несколько пачек продовольственных талонов. Так вот как все обстоит, с грустью подумал Говард. Теперь ему еще больше захотелось как-то помочь родным и при участии дяди Роя забрать у мистера Джиммерса рисунок. Эту тему нужно поднять сегодня же вечером.

Говард взял коробки и, придерживая их одной рукой, другой захлопнул багажник универсала, после чего отнес продукты в дом. Тетя Эдит выбежала куда-то через заднюю дверь, прихватив тарелку с сэндвичем, и дверь за собой закрыла так поспешно, будто хотела что-то скрыть.

Дядя Рой убрал мясную нарезку, хлеб и майонез, протер столешницу небольшим полотенцем и повесил его обратно на гвоздик.

– Люблю помогать на кухне, – сказал он. – Некоторым мужчинам такое не по нраву, а я не против. Всякая работа хороша, так у нас говорят. Когда немного подзаработаю, найдем кого-нибудь в помощь.

Продолжая выгружать продукты, дядя Рой наполовину достал из коробки хлеб и тут же уронил его обратно.

– Что это там? – внезапно спросил он, глядя в окно.

Говард тоже посмотрел во двор, ожидая увидеть тетю Эдит, но она, видимо, уже вернула за угол дома. За окном не было ничего, кроме хвойного леса и зарослей ягодных кустарников, лимонника и ядовитого дуба. Дикie ирисы с заостренными листьями росли пучками вдоль деревьев за небольшой, уходящей в лес тропинкой. На мгновение Говарду показалось, что в глубине тропы он заметил тетину красную куртку.

Когда он отвернулся от окна, дядя Рой убирал хлеб со стола; продовольственные талоны из коробки уже исчезли. Один, правда, торчал у него из кармана. Говард сделал вид, будто хочет помыть руки, и отошел к раковине. Дядя тем временем сунул талон поглубже в карман, остальную же пачку бросил в ящик стола и быстро его задвинул.

– Вытри кухонным полотенцем.

Они еще немного поговорили, и Говард рассказал о своей поездке, не упоминая подробностей последних суток. А то дядя еще подумает, что он совсем сбрендил. Дядя Рой слушал и кивал. Прошелся полотенцем по шкафчикам и вытер какие-то пятна на полу. Затем посмотрел в окно с таким видом, словно заметил во дворе нечто прекрасное или удивительное. Говард невольно проследил за дядиным взглядом, хотя и подозревал, что его снова пытаются отвлечь. Дядя Рой пошел в гостиную и жестом показал Говарду, чтобы тот следовал за ним к выходу. Дядя открыл дверь, но там никого не было. Говард и стука никакого не слышал.

– Значит, ветер, – сказал дядя Рой, и в этот момент, как бы в подтверждение его слов, хлопнула дверь – точно такой же звук раздался, когда Говард только сюда приехал. – Это в сарае.

Дядя спустился с крыльца и пошел вдоль дома, огибая подмости. Сзади к гаражу прижимался сарай с фанерной дверью, которая раскачивалась на ветру. На секунду замерев, точно о чем-то задумавшись, дверь опять громко хлопнула.

– Проклятый засов. – Дядя Рой прижал щеколду и засунул в отверстие заостренную палку. – Вот над чем я сейчас работаю. – Он махнул рукой в сторону огромной кучи ветхих досок, усеянных гвоздями и будто выдранных из стен полуразрушенных домов. – Доски для сарая. Человек со смекалкой поймет: тут зарыта прорва денег. А смекалка в наших краях – самое главное. Новый рубеж.

– И что со всем этим делать? – спросил Говард.

– Очистить – и на продажу. Городские строят дома под старину и готовы платить в два раза больше, чем за новые доски. Получается, конечно, фальшивка, и обмануть они могут только друг друга. Но материал и правда хороший. Кто-то провел исследование: выдернутая из крыши доска красного дерева за сто лет потеряла не более двух процентов прочности.

– Неужели? – Говард взялся за край одной доски, и из-под нее выскочил жуткий паук. Когда доска с треском упала, насекомое скрылось в сорняках. – Все лучше, чем сносить бульдозером, да?

– Вот именно, – ответил дядя Рой. – Нужно сохранять и перерабатывать. Вытащишь гвозди, подравняешь края, сложишь аккуратно, и вот уже подъехали грузовики. Я только начал этим заниматься. Спина разболелась, поэтому работаю не спеша.

Доски лежали, обвитые сорной травой. К ним явно никто не прикасался уже несколько месяцев, а то и лет.

– Может, вам помочь? Я могу вытаскивать гвозди и выравнивать края. С удовольствием займусь.

Дядя Рой задумался. Вид у него был такой, словно он наболтал лишнего и глубоко увяз.

– Тогда купим еще пива и набросаем план, – сказал он, подмигивая. – Вечером, после четырех.

Раздался телефонный звонок.

– Рой! – крикнули из кухни.

– Эдит зовет. Идем.

Он быстро прошел мимо гаража и поднялся по ступенькам веранды с задней стороны дома. Стоявшие здесь стиральная и сушильная машины уже лет двадцать назад выглядели бы устаревшими. Между деревянными столбами были натянуты веревки, на которых сушилось нижнее белье. Дверь вела на кухню, где тетя Эдит только что говорила по телефону.

– Ну что? – спросил дядя Рой. – Кто звонил?

– Сильвия.

– А чего ж ты кричала? Она хотела со мной поговорить?

– Нет, но вдруг захотела бы? Вот я тебя и позвала заранее.

– Зачем она звонила? Что-то случилось?

– Господи, да ничего не случилось. Что вообще могло случиться?

– Тогда зачем она вообще звонила? Мы, между прочим, обсуждали важное дело. У Говарда есть идея насчет продажи досок на юге. Там сейчас развивается жилищное строительство. Мы как раз собирались приступить.

– В таком виде? Племянник только приехал, дай ему немного отдохнуть. А эти дрова лежат там уже бог знает сколько. Как минимум до вечера еще подождут. Пусть парень хоть присядет. Тем более Сильвия заедет на обед. Наша девочка из-за чего-то расстроена.

Еще несколько минут тетя Эдит рассказывала про Сильвию, ее магазин и товары, которые она делает на продажу. В Мендосино успех сильно зависел от туристов. Прогореть очень легко, так что необходимо разнообразие. Туристам нравятся всякие безделушки, а северное побережье, по их мнению, просто кладезь творческой изобретательности. Им не нужна футболка, которую можно купить в любом торговом центре на юге. Им подавай китов, шерсть, сплавной лес и натуральные продукты.

– А вот и она, – сказал дядя Рой, услышав, как в машине где-то неподалеку заглушили двигатель.

Эдит кивнула:

– Она звонила от супермаркета. Заехала купить лосося на ужин в честь приезда Говарда. Я сказала ей, что...

– Вот и хорошо, – перебил дядя Рой. – Давно пора приготовить что-нибудь эдакое. Я сам займусь. Немного укропа, немного белого вина... У нас есть вино?

– Нет, – ответила Эдит.

– Это мы исправим. В готовке всегда используй вино, которое планируешь пить, – с серьезным видом сказал он Говарду.

Дверь открылась, и в дом зашла заплаканная Сильвия. Говард рассвирепел, готовый кого-нибудь убить, – например, этого мерзавца Хорька. Он все-таки выдавил улыбку, решив, что не стоит так сразу слетать с катушек даже ради того, чтобы встать на защиту Сильвии.

– В чем дело? – Дядя Рой тоже заметил: что-то не так.

– Мне не хотят продлевать аренду. Придется искать новое место, а на Мэйн-стрит вариантов, похоже, нет.

– Вот ублюдки! – Дядя Рой стукнул кулаком по кухонному столу.

– Рой! – одернула его тетя Эдит.

– Говорят, там будет перепланировка, – сказала Сильвия.

– Что еще за перепланировка такая? – с отвращением переспросил дядя Рой.

– Это когда сносят все хорошее и строят что-то новое и убогое, – вставил Говард. – В моем районе творится то же самое.

– Решение окончательное? – Дядя Рой внимательно посмотрел на Сильвию, явно подозревая, что за всем этим скрывается настоящий заговор. – Кто тебе рассказал, та старушка?

– Нет, Хорек. Сегодня утром, ты как раз проезжал мимо, – обратилась она к Говарду. – Даже хорошо, что ты не остановился, я была совсем не в настроении.

Значит, этот Хорек – владелец помещения? Или помощник владельца? К своему стыду, Говард почувствовал невероятное облегчение. И, пожалуй, радость. Так вот что они обсуждали там, на улице. Хорек – местный Саймон Легри, жестокий рабовладелец из «Хижины дядя Тома», накручивающий на палец кончики светлых усов.

Дядя Рой ходил по комнате взад-вперед с мрачным видом.

– Они переезжают, – сказал он.

– Хватит, Рой. – Тетя Эдит принялась готовить сэндвичи.

Что имеет в виду дядя, кто куда переезжает? Что все это значит?

Рой остановился и, глянув на Говарда, внезапно напустил на себя таинственный вид, точно мистер Джиммерс.

– Ты как насчет рыбалки? – спросил он.

Глава 6

Пока Сильвия и Эдит перекусывали сэндвичами, дядя Рой пребывал в глубокой задумчивости. Будто не зная, куда деть руки, он с тревожным видом встал, открыл холодильник и уставился на контейнеры с остатками еды. Достал какую-то вскрытую банку и показал Говарду.

– Персиков?

Говард покачал головой:

– Никак не отойду после завтрака.

– Кто-нибудь хочет персиков? – Сильвия и Эдит отказались. – Не против, если я съем?

Никто не возражал. Дядя Рой налил в банку с персиками молока, достал из ящика чистую вилку. Поманил Говарда за собой в гостиную и, усевшись в кресло, стал пить молочно-персиковый сироп прямо из банки. Из кухни доносились голоса: как только мужчины вышли из комнаты, Сильвия и Эдит начали что-то бурно обсуждать.

– Скользкий, зараза. – Дядя Рой откусил персик с кончика вилки. Вопреки ожиданиям Говарда, они не стали больше говорить о проблемах Сильвии с арендой – дядя Рой целенаправленно избегал этой темы. Через пару минут Сильвия собралась и уехала обратно в Мендосино. Дядя Рой заверил ее, что все будет хорошо.

– Не волнуйся, я что-нибудь придумаю, – сказал он не самым убедительным тоном.

Тетя Эдит прошла мимо, вытирая глаза платком, и сразу поднялась наверх. Говарду стало неловко. Дядя вжался глубоко в кресло и опустил голову так низко, что подбородок слился с шеей. В таком виде он смахивал на пудинг. На его лице отражалось нечто большее, чем печаль или беспокойство. Дядя Рой действительно что-то обдумывал и строил планы. Только он собрался что-то сказать, как на крыльце послышались шаги, и раздался громкий стук в дверь.

Дядя покачал головой, мол, Говарду вставать не нужно.

С улицы вскоре донесся женский голос – очень громкий, точно из рупора. Сначала Говарду показалось, что это Сильвия вернулась и она в ярости.

– Ты дома, я знаю! – крикнула женщина и снова постучала в дверь. Голос был звучный и тонкий, как у Злой ведьмы Востока, и теперь стало ясно, что он принадлежит пожилому человеку.

– Тс-с! – Дядя Рой приложил палец к губам. Наступило молчание. Наверху было тихо.

– Открой дверь! – Опять крик с крыльца, затем стук в окно. – Я вижу твою машину! Не надо притворяться! Скоро будешь жить под мостом!

Говард притих. Что-то заскребло по крыльцу – это кресло-качалку отодвинули в сторону, и в щелочке между занавесками появилось чье-то лицо, точнее, его часть.

– Я вижу твой затылок, Рой Бартон!

– Это не я! – ответил дядя Рой. – Тут мой адвокат! Не зли его, а то вцепится, как бульдог! Он приехал из Сан-Франциско и настроен серьезно. Очень серьезно!

Женщина звонко рассмеялась.

– Пусть едет обратно! – крикнула она и опять заколотила по стеклу.

Тетя Эдит спускалась по лестнице с кошельком в руках.

– Убери немедленно! – прошипел дядя Рой и обратился к Говарду: – Деньги им лучше не показывать, иначе свихнутся. Прямо как акулы от запаха крови. Не угомонятся, пока не выпотрошат тебя целиком. – Кивнув в сторону крыльца, он добавил: – Это хозяйка.

Говард встал и направился к двери:

– Я сейчас.

Дядя Рой схватил его за штанину.

– Да пусть себе вопит. Скоро надоест, и уйдет. Нам бы придержать ее до Хэллоуина. Я заработаю целое состояние на доме с привидениями, и мы с ней расплатимся.

– Понятно, – сказал Говард, хотя толком ничего не понял. Что еще за дом с привидениями? Он ничуть не верил в способность дяди заработать состояние на подобных вещах. – Давай я с ней разберусь. Я умею общаться с такими людьми.

– Она крепкий орешек...

– Я справлюсь.

– Тогда вперед. – Дядя Рой отпустил Говарда и выпрямился в кресле. – Все в порядке, – сказал он тете Эдит, замершей на лестнице. – Говард кое-что разузнал об этой женщине. Сейчас он от нее отделается.

Говард с улыбкой кивнул тетушке и беззвучно произнес: «Будет сделано», а затем открыл входную дверь.

На крыльце стояла высокая худая женщина в красном платье. Вытянутое лицо, нос с горбинкой. Она бросила на него сердитый взгляд из-за очков с оправой в стразах и сразу попыталась оттолкнуть Говарда в сторону, чтобы попасть в дом. Он не дал ей войти и закрыл за собой дверь с такой силой, словно не прочь был раздавить ее этой самой дверью, если бы женщина вовремя не отошла. Она скрестила руки на груди и вся надулась.

– Если вы адвокат, то я китайский чиновник.

– Мистер Бартон готов внести часть платежа, – тихо проговорил Говард. – Я посоветовал ему не доводить дело до суда.

– Мудрое решение. – Женщина не сводила с него глаз. – Часть какого именно платежа?

Говард замешкался. Он и сам не знал, о чем идет речь. Дядя Рой называл эту женщину хозяйкой, но чем именно она владела? Домом или магазином Сильвии? Хотя ему-то какая разница.

– Какова, по вашим подсчетам, общая сумма?

– По моим подсчетам! Плата составляет четыреста с лишним долларов в месяц от суммы долга в сорок две тысячи под двенадцать процентов на тридцать лет. Если он не раскошелится, то дом будет принадлежать мне, мистер умник, а в карманах-то у него пусто!

– Успокойтесь, – негромко произнес Говард, положив руку ей на плечо. – Не надо так волноваться.

Женщина увернулась от него, словно от змеи. Он благодушно улыбнулся, глядя на нее с капелькой удивления и делая вид, что смущен ее поведением.

– Дышите ровно, – добавил Говард тихим, как у психолога, голосом, по-настоящему сводящим с ума здоровых людей.

Он аккуратно поставил кресло-качалку на место. Черт, что же еще ей сказать? Говард показал рукой на качалку – вдруг женщине не помешает присесть и немного остыть? – с видом стоматолога, усаживающего ребенка в кресло для пациентов. Дядя Рой подглядывал через щелку между занавесками. Шторы немного дернулись, открывая обзор. Дядя ухмыльнулся и показал рукой, будто гладит кого-то по голове, а затем покрутил пальцем возле уха, изображая вертушку на палочке.

Женщина сделала еще шаг назад и отошла почти на край крыльца. Подходить к креслу и тем более садиться она точно не собиралась. Преувеличенное терпение Говарда еще больше распалило ее ярость. Брови выгнулись дугой, лоб прорезали морщины.

Наконец она взяла себя в руки, лицо разгладилось. Однако было видно, что ей это нелегко.

– Я отправила мистеру Бартону уведомление о том, что больше не принимаю платежи с опозданием. И настроена я очень серьезно. Закон есть закон.

– Всего две-три недели... – Говард пытался вспомнить, сколько времени осталось до Хэллоуина.

– Через две недели мистер Бартон будет жить в салоне своего автомобиля, – перебила женщина. – Я сочувствую его бедной супруге, но она сама виновата – знала, за кого выходит замуж.

В этот момент входная дверь со скрипом распахнулась, и из нее на веревке вылетела резиновая летучая мышь размером с голубя. Дядя управлял механизмом, спрятавшись где-то внутри, до Говарда доносился его сдавленный смех. Женщина вновь бросилась к входу, однако Говард вовремя перегородил ей путь и захлопнул дверь, оставив летучую мышь болтаться снаружи. Она стучала своим носом по раме, точно резиновый дверной молоток.

Хозяйка едва заметно усмехнулась и устало качнула головой, как бы говоря: «Вот что из себя представляет Рой Бартон». И, по мнению Говарда, выходка с летучей мышью прекрасно это продемонстрировала.

– Мой клиент готов предложить вам десять процентов, – сказал он. – Прямо сейчас. – Говард вытащил из кармана чековую книжку и взял ручку, намереваясь выписать чек.

– Передайте мистеру Бартону, что машину можно припарковать за заправкой «Тексако», рядом с остальными развалюхами. Тогда ему разрешат пользоваться туалетом.

Она спустилась с крыльца и пошла к дороге. Из окна второго этажа теперь раздавался звук бряцающих цепей и чей-то гортанный смех в замедленной записи. Шея у женщины покраснела, но она не обернулась.

Говард догнал ее, когда она уже садилась в машину. Стоя спиной к дому, он заглянул в открытое окно с пассажирской стороны. Хозяйка завела двигатель, показывая, что собирается уезжать.

– Четыреста долларов? – предложил Говард.

Она бросила на него оценивающий взгляд, затем с неким разочарованием посмотрела на чековую книжку.

– Четыреста сорок два. И эту сумму он уже задержал на три недели, а следующий платеж ровно через восемь дней. Иначе я приму меры.

– Держите. – Говард оторвал чек и протянул ей в окно. Немного помедлив, женщина наконец его забрала, словно не могла поступить иначе.

– Вы еще молоды, – сказала она. – А дыра, которую вы пытаетесь заделать, очень и очень велика. – Ее слова теперь звучали спокойно и обдуманно, как у старой сумасшедшей училки, в тысячный раз читающей одну и ту же лекцию. – Так кто вы на самом деле?

Женщина будто только сейчас хорошенько его рассмотрела, и на мгновение Говард растерялся, как будто его застали за кражей.

Он пытался подобрать ответ. Обман с адвокатом явно не прошел.

– Просто друг, приехал с юга. Рой сейчас на мели, но обязательно выкарабкается. У него есть парочка задумок.

Женщина улыбнулась и посмотрела на него так, словно он назвал дядю Роя персидским принцем, который скоро унаследует целое королевство.

– Вы даже не представляете, в какие глубокие и мутные воды заплыли, – сказала она. – Сил у вас скоро не останется, а дно уже не нащупать. Не знаю, кто вы такой, но если вы решили со мной сразиться, то совершили огромную ошибку. Старый мошенник окажется на улице, уж я об этом позабочусь. И ни он, ни вы не помешаете мне добиться своего. – Со взглядом, полным жалости, женщина добавила, желая предостеречь Говарда: – Попомните мои слова, он обдерет вас до нитки, если позволите ему сесть на шею. Возвращайтесь домой, не бросайте деньги на ветер. Вам здесь нечего делать. Вы ничего не поймете.

Машина тронулась с места, и Говард быстро отошел в сторону. Он положил чековую книжку обратно в карман, потом забрал сумки из трейлера и направился к дому, размышляя о том, что сказала хозяйка. Похоже, речь шла не только о деньгах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.